

Полина Каширо

Книга первая: Хищная сакура

Эпионистка

Полина Кацура Японистка. Книга первая. Хищная Сакура

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17195978
Японистка. Книга первая. Хищная Сакура: Издать Книгу; 2013*

Аннотация

В загадочную и прекрасную Японию прилетают на стажировку российские студенты. Молодые люди оказываются внутри интернациональной студенческой среды другой страны и все глубже погружаются в реалии, которые до этого времени изучали издали, и так же кардинально меняясь. Рыжеволосая Дана – главная героиня повествования, девушка с особым шармом, в любой стране или ситуации оказывается в центре событий.

Роман с оригинальным детективным сюжетом наполнен уникальной информацией об удивительной стране, не вычитанной и не придуманной автором, который сам много лет жил, учился и работал в Японии и имеет сведения, как говорится, из первых рук. Структура, принципы жизни в стране, менталитет, обычаи и традиции японцев, система и тонкости обучения в университете, тайны имен и принципы их написания, общение с «пожившими» соотечественниками и жителями страны восходящего солнца, описание пищи, банкетов

или домашних приемов, как вообще полагается есть или приходить на встречи, чтобы никого не обидеть и соблюсти все приличия, какие в Японии праздники и похороны, кто кому дарит шоколад на день Святого Валентина, каково устройство домов, как сажают настоящий рис, обладающий «целой палитрой нежно-сладкого послевкусия», живописные описания, даже разграничение видов мусора и многое другое – интереснейшая информация переплетается с нитями повествования.

Все это делает чтение еще более увлекательным для самого широкого круга читателей. Каждая страница становится настоящим открытием. Рассказанное – в живой и ясной форме открывает совсем другой мир глазами юной и любознательной девушки, в жизнь которой неожиданно вошло известие об убийстве знакомой японской студентки Аски, вызвавшей у Даны неподдельный интерес изощренным талантом к рисованию. И подозревается в необычном убийстве всеобщий любимец Коямо Масахиро. Студенческое братство выдвигает собственные версии, а Дана, вместе с ее другом Мару, племянником «генерала полиции», и благодаря собственному любознательному характеру, оказывается на острие расследования.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7.	62
Глава 8	74
Глава 9	79
Глава 10	92
Глава 11	100
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Полина Кацуρο Японистка. Книга первая. Хищная Сакура

Предисловие

«Сегодня утром в одной из аудиторий университета была убита студентка второго курса...», – молодая журналистка японского телеканала NHK пыталась придать голосу должное хладнокровие, однако получалось у неё это не слишком хорошо.

Дослушав репортаж до конца, Дана поймала себя на том, что не дышит, и судорожно вдохнула, но получилось не сразу. В глазах потемнело, в голове образовалась пустота. Стало понятно, почему японцы называют такое состояние «белая голова». Показалось, что сама смерть пролетела мимо неё. Все два с половиной месяца, проведенные в этом японском университете, пронеслись перед глазами.

А начиналось всё так...

Глава 1

Алексей сидел в самолёте и уже несколько минут рассматривал свою попутчицу в отражении тёмного иллюминатора. А она всё это время утирала платочком слёзы и время от времени громко сморкалась. Алексей недолюбливал её. Недолюбливал с того дня, когда они пришли первого сентября на посвящение в студенты. Он хорошо помнил, как Дана – так звали эту плаксу в соседнем кресле – начала в полголовса комментировать речь ректора университета и уже через несколько минут добрая половина группы хихикала и придвигалась поближе к источнику веселья.

«Совершенно недостойное поведение», – Алексей даже поёжился. Но с этого дня Дана стала негласным лидером группы. Старостой она не была, сама не захотела, но ни одно решение в группе не принималось без её одобрения. С ней даже советовались, встречаться кому-то с кем-то или нет. Вообще, бред какой-то. «А теперь мне придётся провести вместе с ней целый год стажировки!» – он сморщился на мгновение и продолжал рассматривать свою спутницу.

Сын бывшего атташе российского посольства в Китае, Алексей, несомненно, относился к элите университета – людям, которые всё время посвящали учёбе и позволяли себе собираться только узким кругом таких же представителей «сливок», причём исключительно для того, чтобы обсудить

какую-нибудь глубоко научную тему. А Дана относилась к компании «стрекоз» – так называл их Лёша по аналогии с известной басней – которые мельтешили по всему университету. Руку поднять на лекции? Она тут как тут. Студсовет – опять она. Движение доноров университета – снова Дана в первых рядах. А уж дискотеки и всякие развлекательные мероприятия вообще никогда не обходились без её участия. Училась она ровно столько, сколько хватало на то, чтобы получать хорошие оценки, но не больше. Никакого вклада в развитие культурологии от неё ждать не приходилось. «Ох, допляшутся они когда-нибудь», – думал Алексей с явным злорадством про всю их большую дружную компанию. Но Дана почему-то не доплясывалась, что раздражало ещё больше. Этой выскочке всё сходило с рук. Ей постоянно везло, и почему-то у неё всегда было много друзей. Она хваталась за всё подряд, и всё у неё получалось. Взять хотя бы баскетбол, в который Дана начала играть, чтобы быть поближе к своему ненаглядному Димочке. Баскетбол – один из самых популярных видов спорта в их университете. Матчи смотрели все, а играли только избранные. Во время тренировок даже элите вход на площадку был заказан, а простым смертным и подавно. Но Дану игроки принимали за свою, им даже нравилось, когда она приходила с ними покидать мяч. Техники никакой, бросок на слабую троечку, а ничего, бежит, пыхтит. Алексей, который часто наблюдал за матчами с последнего ряда трибун, как-то раз не выдержал и спросил капита-

на команды, за что они терпят такого слабого игрока. «Данка классная, отважная и бесстрашная. Вокруг неё всегда создаётся такой командный дух, что вся пятёрка становится непобедимой». – Таков был ответ. «Отличная причина!» – от негодования Алексей даже заёрзал в кресле.

К тому же, она совершенно недостойна великой чести стажировки в Японии, да ещё и на целый год! Японский язык она учит не с детства, как все представители элиты, а начала лишь за год до поступления в университет. То ли дело – Лиля, ещё одна спутница Алексея в этом путешествии, сидевшая через проход. Она уже очень давно занимается японским. И вообще, она всё учит наизусть. Когда ей задают вопрос, она отвечает целым параграфом из книги. Дана же вообще не похожа на человека, который интересуется культурой Японии, её традициями и укладом. Все остальные девушки их группы были тихие, спокойные, готовые восхищаться любыми тонкостями обожаемой страны – прямо как настоящие японки. А Дана, напористая, как тайфун, вечно лезла к преподавателям с миллионами вопросов и заставляла их изрядно попотеть с ответами. «Самой надо учиться, а не заставлять всех вокруг приподносить тебе знания на блюдечке с голубой каёмочкой!» – хмурился Алексей. И не смотря на то, что Дана всё время достаёт всех своими глупыми вопросами, преподаватели её любят и даже уважают. Наверное, потому что этой выскочке всегда и во всём везёт. Вот взять хотя бы этот конкурс ораторов, после которого и реши-

лось, кто поедет на стажировку. По результатам письменного экзамена Дана не была в тройке счастливиц, но после этого конкурса выбрали именно её. Алексей, как серьёзный человек и представитель учебной элиты, подготовил фундаментальный доклад о развитии экономики Японии в послевоенные годы. А с чем пришла Дана? Она вышла с папкой, в которой лежали фотографии каких-то котят, честно призналась, что забыла тезисы накануне вечером в караоке, куда ходила с японскими друзьями (что ещё можно ожидать от такой ветреной особы?), и что попытается рассказать о том, что поразило её в последнее время. Как выяснилось, она увлеклась сравнением рекламы в России и Японии. Особенно её заинтересовала реклама пива. И оказалось, что в Японии рекламируют пиво как напиток, а в России – как повод для того, чтобы собраться. Высокonaучное наблюдение, нечего сказать! А эта несерьёзная, даже шутовская какая-то форма доклада? Как будто не в конкурсе участвует, а в КВНе выступает! Японец из посольства так хохотал, что аж подхрюкивал, и сказал, что уже много лет работает в России, но об этом никогда не задумывался. И прямо из своих рук вручил Дана первую премию. «Вот где справедливость?!» – пыхтел Алексей, глядя в тёмный иллюминатор.

Дана, в очередной раз высмаркиваясь, тоже думала об этом конкурсе ораторов. Сейчас ей казалось, что она совершила роковую ошибку, хотя ещё пару месяцев назад была уверена, что всё делает абсолютно верно. Сколько пришлось

бегать за единственным японцем в университете, чтобы выпросить нужные сайты для изучения и просмотра реклам, а затем проводить долгие часы в интернете, набирая материал и составляя текст на японском. Потом опять погоня за японцем, чтобы он проверил работу и помог с произношением. И, наконец, несколько бессонных ночей в мучительной попытке запомнить весь текст на японском наизусть, да причём так, чтобы никто не подумал, что текст заучен. Мама всегда говорила Данае: «Если за что-то взялась, делай это хорошо!» Вот Дана и старалась, чтобы её неординарную речь оценили по достоинству. «И зачем были все эти мучения? Теперь я на целый год разлучена с Димочкой! – Дана снова всхлипнула. – И зачем я вообще подала документы на эту стажировку?» Она сильно сжала в кулаке платок, как будто бы он был виноват во всём случившемся.

Дана увлеклась Японией совсем недавно, всего несколько лет назад. Она посмотрела один японский фильм, и у нее появилось много вопросов. Она начала читать литературу, но количество вопросов не только не уменьшалось, а наоборот – увеличивалось. Чем больше Дана читала, тем сильнее ее притягивала к себе эта загадочная страна. И вопросы, которые она не привыкла оставлять без ответов, как на зло, всё лезли и лезли в голову. Ну, разве не интересно, как японцы, которые до девятнадцатого века не прорисовывали перспективу на картинах, в двадцатом веке создали четырехуровневые развязки автомагистралей? Или, например, что мог-

ло произойти с людьми в десятом веке, чтобы в одиннадцатом они считали эталоном красоты женщину с абсолютно белым лицом, чернёными зубами и двумя красными точками на лбу вместо бровей? Или вот вопрос: весь мир восхищается боевым искусством самураев, тогда почему Япония не выиграла ни одной международной войны? Японцы считаются очень музыкальным народом, но миру не известен ни один японский композитор. Только дирижёр. Почему? И так далее, и так далее. Пришлось не только начать изучать японский язык, но и поступить на факультет японоведения в университет. И теперь вот, пожалуйста – стажировка в самой Японии. Причём произошло это как-то само собой, как будто волна несла Дану к этой поездке. И только сидя в самолёте, Дана поняла, что в погоне за ответами она круто изменила свою жизнь, сама того не осознавая.

Самое главное, что смущало Дану – это расставание со своим женихом и «любовью всей жизни» Димой. Он, конечно, обещал ждать, и они даже назначили день свадьбы после воссоединения через год. Конечно, Дана хотела поехать и посмотреть на страну, о которой так много думала и изучала, но когда увидела всю компанию друзей, которые приехали в аэропорт провожать её прямо до зоны паспортного контроля, горечь расставания буквально накрыла её с головой, и Дана проплакала всё время прохождения границ, досмотра и посадки в самолёт.

А самолёт тем временем уже набрал нужную высоту. Ко-

мандир воздушного корабля включил режим автопилота. Стюардессы начали подготовку к ужину. Эта суета немного отвлекла девушку от грустных мыслей и направила мысли в русло сложившихся обстоятельств. Дана посмотрела мельком на своего соседа. Русый, яйцеголовый молодой человек с голубыми глазами и сероватым цветом лица. Алексей Хромов. Они учились с ним в одной группе, но Дана впервые рассматривала его. Они всегда были в разных компаниях – Дана в компании самых классных и прогрессивных студентов, а он, как говорили в её кругах, в компании додиков. И теперь с ним придётся провести целый год на одном курсе в университете в Японии. Дана и Алексей никогда не разговаривали на родине. Дана даже казалось, что он недолюбливает её. А навязываться совсем не хотелось. Но, как гласит одна умная японская пословица, «близкий чужой роднее далёкого родного». Поэтому надо как-то знакомиться получше. Дана почесала затылок. Задача перед ней стояла не из лёгких. Тут на помощь пришла высокая стройная стюардесса с холодными глазами:

– Что будете пить? Сок, вода? – спросила она привычной интонацией.

– А вино у вас есть? – спросила Дана, в голове которой тут же созрел отличный план.

– Да, красное, белое, – немного поморщившись, ответила стюардесса.

– Лёш, вино будешь? – обратилась Дана к своему соседу.

Тот от неожиданности аж вздрогнул. Казалось, он так глубоко задумался, что вообще забыл, где находится.

– А? Что? – переспросил он испуганно.

– Вино будешь? Тут наливают, – с вежливой улыбкой повторила Дана.

– Ну, давай, – Алексей немного поёрзал в кресле.

– Нам два красных, пожалуйста.

Пока стюардесса подавала напитки и орешки, а Дана устанавликала их на узкие самолётные столики, Алексей злорадствовал про себя: «Ух ты, и со мной заговорила. В Москве даже слова никогда не скажет, а тут прямо сразу: «Лёша». Ещё бы Лёшенькой назвала. В Москве только на своего Димочку и смотрела, а тут и я сошёл за собеседника, да? А я из принципа не буду с ней разговаривать и всё», – твёрдо решил он.

– Ну, за страну наших грёз! – подняла свой пластиковый стаканчик Дана.

«Смотри-ка, начала на меня свои чары распространять», – подумал Алексей, и, не смотря на только что данную самому себе клятву, произнёс: «Чтоб нам там жилось и не тужилось!»

Они чокнулись пластиковыми стаканчиками. Дана сделала глоток и поморщилась:

– Кисло!

– Это потому что в самолёте не такое давление, как на Земле. Известный факт. В самолёте все вкусы чувствуются

острее. Поэтому самые вкусные булочки с плавленым сыром именно в самолёте, – объяснил Алексей.

– Вот это да! Ты даже это знаешь! – восхитилась Дана.

«Издевается!» – начал было подозревать Алексей, но в глазах собеседницы было столько детского восторга от того, что она узнала что-то новое и интересное, что даже такой скептик начал оттаивать.

– Я немало чего знаю, я же учусь много, – пояснил он.

– Да, учишься ты действительно много. А зачем? Ну, не в смысле «на фига», а в смысле – какая твоя цель? – неподдельно заинтересовалась собеседником Дана.

– Я хочу создать свою систему транскрипции японского языка. Точнее сказать, я её уже создал, но теперь мне надо наработать имя, чтобы мой авторитет был больше Поливанова.

– А тебя не устраивает система Поливанова? – Дана была искренне удивлена. Об этом она ещё не задумывалась. Изучая язык и читая литературу о Японии, её интересовала сама страна, а о том, удобно ли пользоваться этим языком в России, она совсем не думала. «Как интересно!» – Дана даже придвинулась поближе к сокурснику, насколько позволяло узкое кресло, чтобы лучше услышать его дальнейшие объяснения. Алексей был явно польщён таким вниманием.

– Понимаешь, – с жаром в голосе начал он, – был такой американский учёный Хебон. Он составил транскрипцию японского языка на латиницу. Это было в девятнадца-

том веке. И все спорные звуки, например, средний звук между «т» и «ч» он записал как «ч», то есть в пользу шипящего звука. А Поливанов составлял свою систему, когда уже существовало противостояние России и Америки. И у меня такое чувство, что Поливанов составлял свою транскрипцию не по тому, как слышится, а чтобы было не похоже на то, что естю американцев.

– А ты считаешь, что слышится по-другому? – уже была поглощена темой Дана.

– И ты так считаешь, только не задумываешься об этом. Вот, например, всем известное слово «суши». Оно ведь звучит как «суси», если записывать его по системе Поливанова. Но ты же слышала, что японцы это блюдо произносят с шипящим звуком на конце?

Дана утвердительно кивнула.

– А я бы вообще записал не «суси» и не «суши», а «сущи». Это наиболее подходящее произношение этого звука.

– Точно! – восхитилась слушательница.

Алексей довольно хмыкнул и понял, что желает получить еще как можно больше внимания этих изумрудно зелёных глаз. Он продолжал:

– А сколько неразбирихи из-за этого в учебном процессе. Вот сидит какая-нибудь студентка, которой всю жизнь объясняли, что «чан» правильно произносить «тян», а «сячё» (президент фирмы) – «сатё», и верит в то, что она говорит по-японски, а потом приезжает в Японию, и её никто не

понимает. А бедная студенточка так и не может понять, почему, – он неоднозначно покосился на третью стажёрку Лилю. – Да это ещё что! Есть вопросы и посерьёзнее. Например, перевод фамилий. Вот некий японский господин едет через границу. Иммиграционная карта оформлена на фамилию Тосиба по системе Поливанова, но таможенник читает паспорт и видит в нем фамилию Тошиба. Получается, что иммиграционная карта уже не действительна. И объясни ему потом, что просто господин Поливанов неправильно транскрипцию записал».

– Кстати, об именах, – неожиданно спросила Дана, – а ты как японцам представляться будешь? Они вроде бы не сильны в запоминании длинных имен?

– Да, не всем так повезло с именем, как тебе, – закивал Алексей, – но я так и буду представляться: Арэкусэй Фууро-мофу. Пусть японцы привыкают к русским на их земле. Я даже придумал себе иероглифы на фамилию, – похвастался молодой человек.

– Фу-ро-мо-фу, – проговорила Дана, – «фууро» – это «ванна», а «мофу» – это «плед». Такие иероглифы? Ой, прости, как-то неудачно получилось.

– Ничего, я же понимаю, насколько ограничены твои знания японского языка. Я другого и не ожидал, – то ли простил, то ли совсем обиделся Алексей, – но больше всего с именем не повезло Лильке, – он хихикнул, – она ведь теперь будет Ририя Рарина, вместо Лилия Ларина.

– Да, уж, отсутствие различий между этими двумя звуками в японском вызывает много конфузов, – разулыбалась Дана, – помнишь, как японец, который приезжал к нам читать лекции, говорил «спар» вместо «спал», «красть» вместо «класть», «порка» вместо «полка»? Но больше всего мне нравилось, как он произносил словосочетание «послать по почте».

И оба студента засмеялись.

– Кстати, если вернуться к теме моей системы транскрипции, – первым взял себя в руки Алексей, – я обязательно исправлю ту нелепость, при которой считают, что японцы говорят «тозе» вместо «тоже». Никогда японец не произнесёт слово «джинсы» как «дзынсы». Это просто поклёп на прекрасный народ!

– Слушай, ну, ты действительно знаешь, зачем едешь! Меня прямо восхищает такое стермление и такая благородная цель! – Дана даже захлопала в ладоши.

Алексей аж зарделся от удовольствия, но чтобы Дана не заметила его широкой довольной улыбки, отвернулся к тёмному иллюминатору. Так он просидел несколько секунд, пока внутренний голос не начал привычный монолог: «И чего ты вообще с ней разговариваешь? Она просто недостойна беседы с тобой! Какая разница, оценила эта свистушка твой уровень или нет?» В университете Дана мало обращала на него внимания, так же как и Лиля. Но эта высокая стройная красавица с пышной грудью и крашенными чёрными воло-

сами вообще мало на кого обращала внимание.

Поговаривали, что она ждёт, когда олигарх, владеющий всеми заводами на земле, придет и заберёт её. И вот с ним-то она будет приветливой и милой. А разговаривать со всем остальным сбродом – ниже её достоинства. Она училась на «отлично», точнее, зазубривала всё, что попадалось ей в руки, и если уж от неё можно было услышать что-либо, то это были заученные из учебника фразы. Поэтому недостаток её внимания никак не беспокоил Алексея. Он всегда думал, что отсутствие внимания со стороны Даны тоже не волновало его, но только сейчас понял, что восхищение его знаниями именно этой девчонки с тёмно-рыжими волосами и веснушками невероятно важно для него. Он повернулся к соседке, чтобы продолжить хвастаться и любоваться заинтересованностью в глазах недавнего врага, но увидел, что Дана уже мирно спала в своём кресле, повернув к нему своё хорошенькое личико. Она не была яркой красавицей, которую можно сразу выделить из толпы, но если кто-то её заметил, то уже не забудет её лицо никогда, особенно, если увидел чарующую улыбку, которая озаряет светом всё вокруг.

«Вот ведь детский сад! Наплакалась, наелась и спать. Прimitивное существо! Одно слово – стрекоза», – поворчал Алексей и тоже начал устраиваться на ночлег в тесном кресле.

Глава 2

– Ну, что будем делать? – нарушил молчание Алексей.

Получив багаж, они уже четверть часа высматривали таблички со своими именами или названием университета, да хоть чего-нибудь.

– Не знаю, – вздохнула Лиля.

– Давайте подождём, может, они опаздывают, – не теряла надежды Дана.

– Очень непохоже на пунктуальных японцев, – занервничал Алексей.

Оставалось стоять и ждать, разглядывая аэропорт. А посмотреть было на что. С первых минут понимаешь, что Япония – страна больших возможностей. Здание огромное, с высокими потолками, окнами, пропускающими лавиной яркого солнечного света, с ковровином, приглушающим звуки колёс тележек и чемоданов, со светлыми стенами, увешанными плакатами с красотами Японии, а не с рекламой газировки и сигарет.

Ребята стояли в стороне от обнимающихся и целующихся людей. Схлынула основная волна прибывших из Москвы, и наступила несколько пугающая тишина. Мимо них прошли работницы аэропорта и скрылись за какими-то дверьми. «А туда ли мы прилетели?» – запаниковала Дана.

– Вот он, – сказал Алексей.

Мужчина лет тридцати пяти нёсся по залу огромными скачками. Очки съехали набок, плащ развевался за спиной парусом, в руках раскачивался портфель. Подбежав к студентам, мужчина спросил, задыхаясь:

– Это вы?

– Мы, – ответили стажёры.

Мужчина вытер пот со лба, пару раз глубоко вздохнул, и его лицо приняло вдруг, можно сказать, скупающее выражение.

– Меня зовут Каваками. Для вас – Каваками-сан. Очень приятно вас всех видеть в нашей стране. Прошу прощения, что я опоздал. Надеюсь, вы не сильно перенервничали. А теперь мне надо проверить ваши имена. Арэкусэй Фуромофу.

– Я, – отозвался Алексей.

– Ририя Рарина.

– Я, – мягко произнесла Лиля.

– Дана Сутацукая, – продолжил Каваками-сан и поднял глаза на Дану.

– Я, – сказала Дана и улыбнулась.

– Вообще-то, я знаю, кто есть кто по фотографиям из вашего института, но так положено. Дело в том, что задержали электричку на целых пять минут, и я опоздал на пересадку. Ох уж этот Токио! В поезде нам объявили расписание транспорта из Нариты. Наш автобус на Сидзуоку отправится только через час, а ехать придётся три часа, поэтому предлагаю поехать перед дорогой.

Сказав это, Каваками-сан сделал приглашающий жест и первым последовал к эскалатору. Поднимаясь на нем, Дана поняла, что ошибалась, когда думала, что аэропорт – это большой дворец. Это был маленький город с улицами, магазинами и даже своей монорельсовой дорогой между двумя терминалами.

Разместившись в небольшом ресторанчике за столиком из тёмного дерева, все дружно уткнулись в меню, стараясь понять незнакомые иероглифы. К счастью, напротив каждого названия была фотография блюда. Неслышно подошла худенькая официантка и подала влажные салфетки и воду со льдом. После нескольких минут молчания Кавакамисан спросил о выборе каждого.

– Я буду суши, – сказала Лилия.

– Нет, нет, очень не советую, – замахал руками японец. – Вы будете жить на берегу океана, где рыба свежая и вкусная, а здесь, вдали от моря, разве могут быть приличные суши?!

– А я буду этот сэндвич с курицей, – сказала Дана.

– Выбор хороший, но я посоветовал бы вам попробовать жареную лапшу. Здесь её хорошо готовят, – заявил Каваками-сан с видом знатока и ценителя.

На том и остановились: все будут жареную лапшу и салат. Подошла официантка с блокнотом.

– Надо же, как она вовремя, – ухмыльнулся Алексей. –

Такое чувство, будто стояла и только за нами и наблюдала.

– Нет, она не постоянно смотрела на нас. Просто, ко-

гда люди определяются с выбором, они начинают пить воду, продолжая разглядывать меню, или просто откладывают меню на стол. Вот тогда и надо подходить, – разъяснил Каваками-сан.

Русские студенты переглянулись и захихикали. Они привыкли к тому, что официантки подходят только после того, как их несколько раз позовёшь, и им уж точно невдомёк, почему люди начинают пить воду, глядя в меню, да и воду сначала заказать нужно.

В ожидании блюд Каваками-сан подмигнул русским студентам и спросил:

– Как прошёл ваш полёт? Как в России, холодно?

Был конец марта, и в Москве действительно было ещё холодно, особенно по сравнению с прекрасной погодой в Токио. Но Дану поразило, как быстро она об этом забыла. Московская погода казалась чем-то далёким и не совсем реальным. Чем-то, что было в прошлой жизни.

Пока спутники Даны отвечали на вопросы японца, принесли еду, и за столиком воцарилось молчание. Все занялись поглощением лапши. Вкус у неё был очень необычный, солоновато-сладковатый, мягкий, отдающий соевым соусом и букетом пряностей, пока незнакомых. Лапша была пожарена с овощами – капустой, морковкой и даже зелёным болгарским перцем, а ещё с мясом, скорее всего, свиной. Всё блюдо было красиво посыпано зелёными сухими водорослями и рыбной стружкой, которая двигалась и меняла форму

от жара лапши. Каваками-сан предложил положить немного майонеза и красного перца. Это добавило пикантности и остроты. Главное, как сказал Каваками-сан, взять упаковку майонеза с тонким горлышком, чтобы не переборщить с этим жирным соусом. Было очень вкусно, но есть палочками было ужасно неудобно. Лапша постоянно соскальзывала, а овощи убегали прямо из-под палочек, словно не желая быть съеденными. И хотя три русских студента перед отъездом упражнялись в еде палочками, до высокого уровня владения этим инструментом – а именно такой нужен был для поедания лапши – им было далеко. Пришлось изрядно попотеть в борьбе за еду. Победителями вышли студенты, правда, усеяв стол кусочками овощей и лапши. Каваками-сан улыбнулся и сказал только одно:

– Ничего, скоро привыкнете.

Как только с лапшой было покончено, снова появилась официантка. С улыбкой и поклоном она предложила забрать грязные тарелки, а взамен принесла всем горячий зелёный чай и поменяла влажные салфетки на новые. Каваками-сан взял свою чашку двумя пальцами за края, поднёс к губам и звучно потянул горячий чай. Такие же звуки доносились и от японца за соседним столом. Но там несколько японцев в деловых костюмах лихо справлялись с лапшой из супа, заливхваци перебросив галстуки через плечо, чтобы те не попали в тарелки. Похоже, удивление слишком явно выразилось на лице у русских, потому что Каваками-сан поспешил

пояснить:

– В Японии есть лапшу звучно совсем не считается чем-то неприличным. Наоборот, длинную лапшу не принято кусать, а хорошим тоном считается втянуть всю длинную полоску. За границей японцам приходится сдерживаться, потому что их часто не понимают, поэтому первым делом, приехав из командировки, многие японцы отправляются поесть лапшу «по-нашему», – он широко улыбнулся.

«Похоже, трудно будет привыкнуть к здешним обычаям», – заключила про себя Дана, но вслух ничего не сказала.

Вскоре японец посмотрел на часы, сложил ладони вместе у груди и слегка поклонился своей чашке чая. А когда поднял голову, произнес: «Соро-соро. Пора». Все встали из-за стола и пошли по лестницам и коридорам на остановку, где их уже ждал автобус оранжевого цвета, отправлявшийся в Сидзуоку.

Глава 3

В автобусе Лиля села рядом с Даной, а через проход расположились Каваками-сан с Алексеем. Вскоре после того, как все пассажиры расселись, в салон зашла девушка, которая принимала билеты на остановке. Поклонившись, она быстро произнесла слова благодарности за то, что был выбран именно этот автобус в качестве сегодняшнего транспорта. Она представила водителя и пожелала приятного путешествия. Речь была произнесена дважды: сначала на японском, потом на ломаном английском с ужасным акцентом. Но всё равно было приятно, что иностранцев тоже не забыли поблагодарить. Закончив речь, девушка ещё раз поклонилась, сказала пару слов водителю и вышла из автобуса с чувством собственного достоинства. Автобус мягко тронулся.

Сразу после отправления Каваками-сан полез в свой портфель, достал четыре одинаковых стопки бумаги, положил их себе на колени и сказал:

– Вы, наверное, очень устали в самолёте и хотите спать, но мне необходимо поговорить с вами о расписании на ближайшие несколько дней. Поэтому прошу внимания.

Студенты повернулись к нему и приготовились внимательно слушать. Каваками-сан убедился, что все глаза и уши направлены на него, самодовольно прищурился и продолжил:

– Вы приземлились в аэропорту Нарита, в Японии. Япония – это островная страна, вытянутая с севера на юг более чем на две тысячи километров. Вы знаете названия основных четырёх островов Японии? «Ну, это легкий вопрос, – подумала Дана, – кто же не знает стишок, придуманный великими людьми, русскими японистами, чтобы облегчить жизнь, таким, как мы?» Сразу в голове возникли строки:

Ты моё Хоккайдо,
Я твоё Хонсю.
За твою Сикоку
Я тебя Кюсю.

Вот и вся премудрость. В это четверостишие умело вплетены названия основных четырёх островов, причём в порядке их расположения с севера на юг.

Пока Дана вспоминала стихи, Лиля ответила на вопрос и довольно улыбнулась, а Каваками продолжал:

– Правильно. Мы сейчас находимся на самом большом острове Хонсю. Скоро мы проедем Токио и направимся в префектуру Сидзуока, которая находится южнее столицы. В России постоянно холодно, а в Японии есть все четыре сезона: весна, лето, осень и зима.

– У нас тоже есть все эти сезоны, – возразил Алексей, – да и холодно у нас только зимой, и то, смотря где. Россия большая.

– Да? – удивился Каваками-сан, и было видно, что,

несмотря на замечание, он остался при своём мнении. – Сейчас в Японии весна. Прекрасное время года, известное цветением сакуры. Это великолепное зрелище, которое вы ещё успеете увидеть в нашем городском парке. Вы можете сходить туда днём или вечером, когда включается подсветка, – Каваками-сан мечтательно прикрыл глаза, улыбнулся и после небольшой паузы продолжил:

– Университет наш находится на окраине города Сидзуока, расположенного на берегу Тихого Океана. У нас очень красивый город и очень красивый океан. Некоторые студенты так очаровываются красотами города, океана и девушек, что совсем забывают учиться и зарабатывают себе огромные хвосты. Так что, когда вы будете смотреть на море и природу, помните, что от этого растут хвосты, – японец хихикнул. Очевидно, шутку эту он давно придумал сам и очень ею гордился.

Дана уже представила себя на берегу океана. Как человек, выросший вдалеке от природы, она очень любила море, и когда узнала, что место стажировки находится на берегу океана, страшно обрадовалась. И даже дала себе обещание, что будет приходить к морю каждый день. А Каваками-сан тем временем продолжал свою речь.

– Когда мы приедем, я покажу ваши комнаты в студенческом общежитии и помогу с заселением. После этого вы свободны на весь вечер. Завтра в два часа дня я или мой помощник встретим вас и отведём в городскую ратушу для оформ-

ления документов, а также в банк для открытия счетов. После завтра у вас медосмотр вместе с нашими первокурсниками, он будет проходить в спортивном зале университета. На следующий день церемония посвящения в студенты, ну, а потом – начало занятий. Кстати, во время церемонии посвящения вы будете находиться в одном холле с первокурсниками. А потом перейдёте в другой зал, там вам прочитают лекцию по программе стажировки. Вся информация здесь, в документах, – кивнул он на пачки бумаг на коленях. – Берегите эти бумаги, они вам ещё не раз пригодятся. Обратите внимание на последний лист, где указаны номера телефонов сотрудников из отдела по работе со студентами. Им можно звонить в случае любых затруднений. Сообщить их вам – идея нашего начальника, Эндо-сан. Кстати, ему вы можете звонить в первую очередь, – сказал Каваками-сан и принялся смеяться с закрытым ртом, втягивая в себя воздух.

Он поинтересовался, нет ли вопросов. Вопросов не было. Каваками-сан откинулся на мягкую спинку кресла и закрыл глаза. Через некоторое время он открыл их и сказал:

– Да, чуть не забыл. На пути в наш город будет одна остановка, но если вам надо будет срочно в туалет, то можете воспользоваться им, он в конце салона, – после этого снова закрыл глаза и, похоже, сразу уснул.

Автобус въезжал в Токио. Перед глазами Даны запестрели вывески и рекламные щиты, офисные небоскрёбы и жилые дома, огромные грузовики и легковые машины. Автотрас-

са проходила над землёй, поэтому можно было успеть заглянуть, например, в окна шестого этажа здания и мельком увидеть, как там работают люди, как устроены офисы. Строения были, в основном, серого или коричневого цвета, простой угловатой конструкции без архитектурных излишеств и украшений. «Какой уютный город», – пронеслось у Даны в голове. Это было первое впечатление от мегаполиса, проплывающего за окном. Через некоторое время многоэтажная застройка сменилась пригородной, всё чаще мелькали небольшие двухэтажные домики, перемежающиеся с клеточками рисовых полей. А за ними, вдаль, появились очертания гор. Дану поразило то, что на протяжении всего пути не встретилось ни одного необработанного клочка земли. Всё было вспахано или засеяно. Не было привычных нам пустошей и заброшенных участков. Сразу вспомнился старый учебник по географии, где было написано, что на семьдесят процентов Япония покрыта горами, а население её ненамного меньше российского. Тогда Дана не поверила этой информации, но теперь подумала, что всё написанное там, скорее всего, было чистой правдой.

Вскоре на горизонте появилось очертание горы Фудзи, символа Японии. Конечно же, Дана встречала эту гору на картинках, но когда видишь эти правильные, почти совершенной формы склоны, такие величаво-красивые, понимаешь, почему японцы боготворят её и поклоняются ей. Красавица открывалась взгляду вся сразу. Заснеженная вершина,

немного прикрытая дымкой облаков, смотрелась как корона на голове императрицы, осматривающей свои владения. Любоваться ею можно было бесконечно долго. «Наверное, от этого тоже может вырасти хвост», – улыбнулась Дана.

Когда гора Фудзи осталась позади, водитель сказал что-то в микрофон, и люди в автобусе зашевелились. Вскоре автобус съехал со скоростной трассы и припарковался на просторной стоянке с одноэтажным зданием в глубине. Люди стали выходить на улицу, на месте остался только спящий Каваками-сан. Все разбрелись кто куда. Дана решила сначала сходить в туалет. Там оказались европейские кабинки с обычными унитазами и традиционные японские, где сидеть нужно на корточках. Но несмотря на унитаз с подогревом и откидной ступенькой для переодевания, из кранов текла только холодная вода – так японцы экономят электроэнергию.

Потом Дана с Лилей решили осмотреть здание изнутри. Народ покупал в автоматах напитки, а в магазинчике – пока незнакомые стажёрам продукты, в глубине здания виднелся маленький ресторанчик. Девушки просто постояли и поглазели на всю эту суету. «Надо же, московский холод уже забылся. Мы как будто застряли между двумя мирами. Интересно, как быстро мы привыкнем к этому миру?» – вдруг подумалось Дана.

Дорога ещё какое-то время петляла, мелькали низкие ухоженные домики и сады с персиковыми деревьями. Вскоре

они въехали в Сидзуоку, городок с домами тёплых оттенков – бежевого, коричневого, иногда светло-серого или песочно-го. Удивляло количество цветов на улицах в это время года. Было солнечно и как-то радостно. «Может быть, тут проходит фестиваль цветов?» – подумала Дана. Впрочем, цветы были везде, где они проезжали, поэтому стало понятно, что здесь люди так живут – в красоте. Красота создавалась во многом благодаря морской теме в оформлении фасадов магазинов и ресторанов, во всем чувствовалось спокойствие и размеренность жизни. Домохозяйки парковали машины на стоянках супермаркетов, мамочки гуляли с детьми на площадках, медленно брели старушки, опираясь на палочки или сумки на колёсиках. Всё казалось таким мирным и приятным. При въезде в город автобус поехал медленнее и кружил по нешироким красивым улицам, останавливался, высаживая пассажиров, и Дана вдруг сильно захотелось прямо сейчас выйти из автобуса и начать знакомиться с этим солнечным городом. Каваками-сан по-прежнему сидел с закрытыми глазами. А вдруг он проспал нужную остановку и им придётся возвращаться потом с чемоданами пешком? Разбудить его смелости не хватало. Когда дорога стала двухполосной и запетляла среди низких старинных домов, Каваками-сан открыл глаза и сказал:

– Приехали. Не забудьте свой мусор сложить вот в эти пакетики и забрать с собой, – и указал на пластиковые пакеты, вложенные в кармашки передних кресел.

Студенты вышли из автобуса и, пройдя несколько сотен метров за своим сопровождающим, увидели в углу небольшой площади общежитие – трехэтажное неказистое здание бледно-песочного цвета с рядами одинаковых маленьких окон. Напротив него, через автостоянку, виднелось уютное кафе с аппетитной вывеской, на которой были нарисованы пончики и мороженое. Сбоку от общежития расположился супермаркет и книжная лавка. Одним словом, на этом пятачке находилось практически всё, что нужно студенту в повседневной жизни. Дана особенно понравилось кафе, в нём было что-то очень домашнее. «Вот где я буду делать домашние задания!» – сразу решила она.

Студентов быстро оформили в общежитие и выдали ключи от комнат. Было видно, что стажёров ждали, и точно в то время, когда они приехали. Может быть, Каваками-сан уже успел позвонить и предупредить, но, скорее всего, в администрации общежития знали расписание транспорта из Токио и были уверены, что автобус не опоздает. Уже через несколько минут Дана оказалась в маленькой комнате с кроватью, небольшим шкафчиком и туалетом с ванной – обстановка напоминала одноместный номер в очень бюджетной гостинице, только на кровати не было белья, а в ванной – шампуней и мыла. Постельные принадлежности можно было купить прямо в комендатуре общежития. Японцы – очень предусмотрительные люди. Поставив сумки и осмотревшись, Дана почувствовала, что очень устала, хотелось

только под душ и спать. «Интересно, смогу я здесь прожить целый год?» – спросила себя Дана и, не найдя ответа, стала доставать вещи из сумок.

Глава 4

Только Дана собралась спать, как в дверь постучали. В комнату вошли два русских парня, один с курчавыми волосами и карими глазами, второй – с короткой стрижкой и крючковатым носом. Олег и Коля, два друга со второго курса (они приехали на четыре года, чтобы пройти полный курс обучения). Из называли Олеколя, потому что никогда не видели порознь. И были они отъявленными разгильдяями, учились только тогда, когда надо было сдавать хвосты. Зато развлекались от души всё остальное время. Узнав, как зовут Дану, курчавый заметил:

– Клёвое имя, главное, по-японски звучит так же.

– Спасибо.

– Во сколько у вас завтра сбор? – спросил Олег.

– В два часа.

– Отлично! Значит, идём отмечать ваш приезд. Заодно и познакомимся. Мы и Вика свободны, поэтому пойдём все вместе, – почти в приказном тоне заявил Олег.

– Спасибо большое, ребята, но я так устала, что, наверное, лучше, пораньше лягу спать.

– Сразу видно – новенькая. Совсем не знает японских законов.

– Запомни, в жизни пригодится. Есть в Японии понятия «сэмпай» и «кохай». Сэмпай – это ранее пришедший, кохай

– пришедший позднее. То, что говорит сэмпай, для кохая – закон. Выше сэмпая только сэнсэй – ранее рожденный, или учитель, чтобы тебе понятнее было. Мы для тебя сэмпай, а поэтому то, что мы тебе сейчас сказали – это не приглашение, а организационное объявление, – самодовольно заявил Коля.

– В общем, даём вам два часа на сборы и ждём у входа в общежитие. Всё, пока, – подхватил Олег.

– Понятно, – сдалась Дана.

– Да, и не забудь сообщить своим друзьям-салагам о том, что мы тебе сказали, – кинул через плечо Олег.

– Хорошо, – сказала вслух Дана, а про себя подумала: «И почему моя комната первая по коридору? Теперь придётся организовывать Лилю и Алексея и объяснять про сэмпаяев и кохаяев. Это, похоже, действительно важно».

Вообще-то Дана рада была, что этот день не закончится быстро и что будет возможность пройтись по городу.

Через два часа она спустилась со второго этажа и подошла к выходу из общежития, где уже стояли Олеколя и курили. Увидев Дану, они замахали руками.

– Молодец, не опоздала, – оценил Олег, – в Японии вообще с этим строго. Сэмпай сказал, что надо быть через два часа, значит, надо прийти на пять – десять минут раньше, дабы показать своё уважение и благодарность сэмпаяю за приглашение.

– Это точно. Правда, мы особо этим не заморачиваемся, –

начал Коля, – но вы должны это знать, так как у вас экспресс-стажировка и всё надо постигать быстро.

Через несколько минут на пороге появилась стройная, высокая темноволосая девушка с модной короткой стрижкой. Дане она сразу понравилась. Окинув всех быстрым взглядом, она улыбнулась:

– Привет!

В этой девушке было что-то притягательное, и с её приходом воцарилось какое-то спокойствие и уверенность. Дана протянула ей руку:

– Я – Дана Стацкая, очень приятно.

– Я знаю, мне Каваками-сан показывал копии ваших документов. Я помогала ему переводить их на японский. Хорошие у тебя имя и фамилия, почти не изменяются при японском произношении. Я – Виктория Беляева, или, как говорят в Японии, Бикутория Беряэва. Очень приятно.

– А ты на каком курсе?

– На третьем.

– И как? Тебе здесь нравится учиться?

– Теперь уже нравится. Слушайте, а куда мы идём? – последняя фраза была обращена к Олеколе.

– Конечно же, в «Джэки», – сразу ответил Коля. – Мастер уже ждёт, мы ему позвонили. Так что пойдём быстрее.

– Нет, сначала мы идём есть, ребята наверняка ещё не ужинали. Потом покажем им, как и где звонить домой. А после пойдём в «Джэки». Так что перезвоните Мастеру, пусть

не ждёт нас так быстро, но попросите его сохранить место за нами.

– Ок! – произнёс Олег и тут же схватился за мобильный телефон.

Дана, наблюдая за этой сценой, улыбнулась, так как ей вспомнились слова Олеколи, что они якобы «не замораживаются» по поводу этой системы «сэмпай – кохай». А ещё её поразило, как легко и просто эта японская система была принята русскими даже в общении друг с другом. Понятно, что кто самый младший, тот и слушает всех старших. Потом приходят молодые, и ты становишься для них авторитетом. Дане тоже захотелось быть авторитетом для кого-нибудь, но, к сожалению, в университете испытать это чувство не придётся, ведь стажировка длится всего год.

Практически одновременно появились Лиля и Алексей. Лилия была в джинсовом жакете и лёгком топе розового цвета. Джинсы очень эффектно подчеркивали её длинные ноги, а каблуки придавали ей особый шик. Дана представила Лилю присутствующим и заметила, что Олеколе Лилия мило улыбнулась, а при взгляде на Вику в её глазах промелькнула некая неприязнь. Впрочем, может быть, Дане это только показалось. Потом был представлен Алексей, суетливо пожавший руки ребятам и приветливо кивнувший Вике. Олеколя заметили, что опаздывать нехорошо, пристроились к Лиле с двух сторон и стали объяснять ей систему «сэмпай – кохай». Вся компания двинулась по дороге к центру города.

– А что, система «сэмпай – кохай» так строго соблюдается в Японии? – спросила Дана Вику.

– Она действительно соблюдается, особенно Олеколей и особенно сейчас, ведь с вашим приездом они из кохаев резко превратились в сэмпаетов и всю наслаждаются этим. Не обращай внимания, наиграются и забудут про эти строгости, – ответила Вика.

– Но тебя-то они вон как слушают.

– Конечно, они же понимают, что списать могут только у меня, поэтому особо и не спорят. Они ребята хорошие, только оболтусы ужасные.

Компания вошла в маленькое полупустое кафе. Ребята заказали кофе, сэндвичи и уселись за столиком у окна.

– А что такое «Джэки» и почему мы идём именно туда? – спросила Дана.

Все сэмпаеты дружно протянули уважительное: «О-о-о!»

– «Джэки и бобовое зёрнышко», так называется бар. В простонародье просто «Джэки». Ну, вы помните сказку про то, как Джэк, то бишь Джэки, нашел и посадил бобовое зёрнышко, и выросло дерево, по которому он смог залезть на небо? А идём мы именно туда, потому что Мастер очень любит иностранных студентов, особенно русских. Он установил нам фиксированную плату на весь вечер, то есть мы приходим, платим достаточно скромную сумму и пьём, сколько захотим, – объяснил Коля.

– В нашем случае, сколько влезет, – добавил Олег.

– А разве хозяин не понимает, что он может разориться на русских? – резонно спросил Алексей.

– Мастер говорит, что ему всегда интересно смотреть, как и сколько пьют русские. Это его забавляет, – ответил Олег.

«Надо будет держать себя в руках, – подумала Дана, – не хватало ещё стать потехой для какого-то японца».

– А почему вы называете хозяина бара Мастером? – спросила Лиля.

– Так называют всех владельцев баров и питейных заведений. Просто это «хозяин» по-английски, японцы взяли это слово без перевода. И мы его так и произносим, – разъяснила Вика.

Они ещё немного поговорили о перелёте и о жизни в городе. Дана, уже полюбившая Вику, спросила у неё о самом сокровенном:

– А ты на море каждый день ходишь?

– До моря ещё дойти надо, – с улыбкой ответила Вика.

Дана очень расстроилась и пока все договаривались о том, что на следующий день Вика отведёт новеньких в большой универмаг за покупками, Дана пыталась придумать хотя бы одну причину, почему ей надо обязательно ходить на море каждый день.

Когда с едой было покончено, двинулись в сторону центра. Через несколько сотен метров компания оказалась возле автобусного терминала. По периметру большого круга для разворота находились остановки местных и междугородных

автобусов, идущих в разных направлениях. Рядом с обычными билетными кассами и ларьками с товарами в дорогу стояли несколько кабинок очень странного вида: они напоминали автоматы с газировкой, только с козырьком наверху.

– А это для чего? – спросила Дана, указав на одну из них.

– О, это неотъемлемая часть японской культуры – автоматы для пурикуры, – улыбаясь, ответила Виктория. – Этот автомат фотографирует тебя и делает из фотографии наклейку небольшого размера. Ее можно приклеить себе на телефон или на зажигалку, да куда захочешь. Полное название таких автоматов «Принт Клуб», с английского «Клуб Печати», а на японский лад – «Пуринто Курабу». А японцы просто мастера сокращать слова. Они взяли первые два слога из каждого слова и получилось всем известное слово «пурикура». Теперь это отдельное слово, живущее своей жизнью и не имеющее аналогов в других языках мира. Надо сказать, японцы, особенно японки, очень любят пурикуру, они снимаются и делают тысячи своих наклеек. Сейчас даже продаются специальные книжечки для пурикуры, куда можно аккуратноненько наклеивать свою коллекцию.

Компания подошла к одному из ларьков, и сэмпай объяснили кохаям, что пока они не обзавелись японскими номерами телефонов и не купили именные карточки для международных переговоров, звонить домой можно только через установленные здесь автоматы. Стажёры сразу купили по несколько карточек в ларьках и разошлись по кабинкам. Да-

на позвонила сначала домой, чтобы рассказать маме про полёт и общежитие. Мама взяла трубку сразу, как будто ждала звонка прямо у телефона. От маминого голоса у Даны сразу на сердце полегчало. Жалко, что карточки рассчитаны только на десять минут, с мамой хотелось поговорить подольше. Пришла очередь напомнить Димке о своей любви и о том, что «соскучилась уже сильно-пресильно и по-прежнему любит его больше всех на свете». Он, конечно, тоже «тоскует, скучает, еле звонка дождался, чуть не умер и уже успел написать первое письмо своей любимой». Поговорили очень хорошо, но у Даны появилось какое-то странное ощущение. Не виделись всего сутки, а было такое чувство, что расстались очень давно, как будто в прошлой жизни. На другой стороне трубки Димочка ныл, как ему плохо без неё, как всё вокруг тускло, и что жизнь остановилась и будет стоять до её возвращения. Дана слушала, и ей казалось, что разговаривает он не с ней. Как будто идёт любимый телесериал по телевизору. И всё равно хотелось, чтобы этот разговор не кончался никогда, но компания сигналила через стекло кабинки о желании начать и продолжить банкет. Дана пообещала звонить через три дня, поцеловала трубку и присоединилась к жажущим.

Вскоре они очутились в квартале, сияющем многочисленными и разнообразными неоновыми вывесками. Здесь были бары, рестораны, клубы и другие заведения типа караоке и бильярда. Из каждой двери доносилась громкая музы-

ка, смех и пение – часто пьяное и фальшивое, но очень душевное. По дороге попадались подвыпившие японцы, возвращавшиеся домой. То и дело появлялись девушки в красивых вечерних платьях, улыбались им и снова исчезали в какой-то из дверей. В воздухе витала атмосфера веселья и отдыха.

– Вот, детишки, смотрите и запоминайте, куда ходить одним нельзя. Этот квартал – огромная чёрная дыра, которая может засосать вас в миг, как нас, и погубить стажёрскую жизнь, – трагично произнёс Коля.

Пройдя немного по улице, они свернули за угол и начали подниматься по внешней лестнице дома на второй этаж, где на узкой двери значилось: «Джэки и бобовое зёрнышко». Олег распахнул её и первым шагнул в помещёние с приглушённым светом.

Бар, так горячо любимый русскими студентами, оказался меньше, чем представляла себе Дана. Это была узкая длинная комната, на одной стороне которой находилась барная стойка, а на другой, через узкий проход, стояли почти вплотную к диванчикам три низких столика. В самом конце комнаты расположилась крохотная сцена с караоке-системой. Несмотря на то, что бар был тесным, обстановка была очень уютной. Возникало такое чувство, что это не бар, а дом Мастера, к которому пришли гости. Сам он стоял за барной стойкой и готовил коктейль. Это был мужчина лет пятидесяти, крепкого телосложения, со стрижкой под ёжик, с ред-

кой проседью. Лицо его было мужественным, несколько угловатым. Одет он был в серую майку и серо-голубые джинсы на подтяжках. При виде компании русских он широко улыбнулся и крикнул:

– Ирацчай! Добро пожаловать!

Двое мужчин и женщина среднего возраста сидели за стойкой, за самым дальним столиком расположилась компания молодых людей. Было довольно шумно и весело. Пока компания Даны рассаживалась за столик у дверей, Мастер принёс горячие салфетки и меню. Подмигнув трём вновь прибывшим, он сказал:

– Новенькие? Это хорошо! Приехали и сразу ко мне? Это правильно! Заходите всегда, я вам буду рад. Ну, как в России, холодно? – Дана и Алексей закивали. Вика и Олеколя принялись представлять новых друзей Мастеру. Приняв заказ, он удалился. Кто-то из молодых за дальним столиком крикнул:

– Мастер! Тринадцать тридцать восемь.

Мастер взял пульт и набрал указанный номер. В баре заиграла громкая музыка, и один из молодых японцев взял микрофон. Когда раздались первые аккорды песни, все японцы в баре засмеялись. По реакции Дана поняла, что песня известная, весёлая, наверное, из мультфильма. Молодой человек по-клоунски раздул щёки и запел. Пел он замечательно. Голос был приятный, чистый и выводил парень далеко не простую мелодию. Все посетители дружно подпевали: «О-о-

о!» – и хлопали после каждого куплета. Дана отметила, как хорош собой молодой человек. Невольно пришедшее сравнение с Димочкой было явно не в пользу последнего. Песня закончилась, все захлопали и засвистели. Дана с трудом отвела взгляд от исполнителя. Димочка тоже любил развлекаться, но предпочитал танцевальные клубы. Танцевал не ахти как, но очень любил. А ещё он очень любил, чтобы Дана была всегда в зоне видимости.

После нескольких коктейлей Дана перешла за барную стойку. Мастер подошёл и предложил чокнуться. Дана решилась задать вопрос:

– Мастер, а зачем вы согласились на фиксированную плату для русских, это же верное разорение?

Ответ Дана понравился:

– Считаю, что это мой вклад в развитие российско-японских отношений, в поддержку студенчества и молодёжи. Лучше зарабатывать меньше, но чтобы посетители были – это я тебе говорю как бизнесмен. И потом, вы, русские, так весело смеётесь и так громко гуляете, что часто посетители приходят ко мне просто в надежде погулять вместе с вами. Так что получается, всем хорошо. Ну, что? Давай выпьем!

Глава 5

Следующие несколько дней пролетели очень быстро. Дана и её сокурсники ходили в мэрию, в банк, и ещё во многие инстанции. В большинстве случаев стажёры просто стояли и ждали, когда их сопровождающие заполнят за них какие-то бланки и ответят на вопросы. Все получили регистрационные карточки иностранцев, которые нужно было носить всегда с собой и предъявлять по первому требованию полиции, банковские карточки, карту города Сидзуока и ещё несколько документов. Вика показала им магазины, где можно было купить всё необходимое.

Недалеко от автобусного терминала возвышалось четырёхэтажное здание то ли большого универмага, то ли маленького торгового центра. Здесь можно было приобрести всё: от риса до кимоно ручной работы. Построили его, скорее всего, во времена японского экономического чуда, иначе никто бы не решился возводить магазин такого размера в этом районе города. Возраст магазина чувствовался не только по виду здания, но и по ассортименту товаров и возрасту персонала, состоявшего, в основном, из женщин лет пятидесяти, деловито снующих мимо полок.

Вика рассказала стажёрам, что недавно здесь открылась «стоиеновка» – отдел, где все товары продавались по сто иен, это примерно один доллар.

– Моя мама всегда говорит, что скупой платит дважды. Что можно купить за один доллар? Только какую-нибудь китайскую дешёвку, которая сломается за один день, – размышляла вслух Дана.

– Ну, не скажи, – возразила ей Вика. – Я тут недавно смотрела передачу о таких магазинах и, в частности, о поставщиках. И там была поучительная история о японском жестящике, который во времена экономического чуда не имел проблем с заказами, а потом оказался на грани банкротства. Он решил делать дешёвые кастрюльки для «стоиеновок». Сделал несколько образцов и принёс в головной офис. Но товар не приняли. Он сделал ещё несколько образцов, но товар опять не приняли. В итоге, приняли к только товар, себестоимость которого составила девяносто семь иен. Одним словом заработок жестящика за каждую кастрюльку полторы иены, потому что заработок пополам с компанией. И сейчас этот жестящик даже процветает. Понимаешь, о чём это говорит?

– Кажется да, – хлопала глазами Дана, – что они стараются не набрать дешёвого товара, который можно даже выгодно продать за сто иен, а подогнать хорошие товары под эту цену?

– Вот именно, – кивнула головой Вика, – конечно же, большинство товаров «стоиеновки» сделаны в Китае, но руководство даже таких магазинов старается продавать в первую очередь японские товары, если они выдерживают

ценовую конкуренцию. Вообще, поддержка национального производителя здесь – это святое.

– Я прямо как на лекции по экономике побывала, – заключила Дана и пошла выбирать кухонную утварь.

К кассе Дана подошла с тяжелой корзиной. Вика преградила ей путь:

– Позволь дать тебе небольшой совет. Перебери ещё раз покупки.

– Зачем? – удивилась Дана.

– Зачем тебе, например, три пары палочек для еды?

– Я не смогла выбрать, они все такие хорошенькие! – созналась Дана.

– Вот, на это и расчёт. Три предмета это – уже триста иен, понимаешь?

Когда Дана пересчитала покупки, оказалось, что не такто и безобиден этот отдел – общая сумма была бы довольно круглой.

Проходя через продуктовый отдел, Дана заметила, что все её покупки для комнаты и кухни стоят немногим больше, чем одна дыня на витрине во фруктовом отделе.

– Да, фрукты в Японии дорогие, – проинформировала Вика, – а дыни – просто золото.

А ещё вспомнились дни, которые японцы называют поэтично – «любование цветущей сакурой». Японцы не просто любят сакуру, они, можно сказать, боготворят её. Каждый видит в ее цветах что-то своё. Но сколько бы Дана не читала

и не слышала об этой любви, то, что она увидела в парке, потрясло её. Была суббота, и русские студенты всей компанией пошли в парк, на аллеях которого под деревьями цветущей сакуры расположилось несколько сотен человек. Все они сидели группками на больших клеёнках, в основном голубого цвета, в центре которых лежали еда и напитки. Проходя мимо разных компаний, Дана жадно рассматривала, как и чем были накрыты столы-клеёнки.

Разнообразие еды поражало не меньше, чем красота нежно розовых облаков вокруг крон деревьев. Можно было увидеть всё, что угодно, от традиционных японских о-нигири – рисовых треугольников, обёрнутых в сухие водоросли нори, – до заказанной в соседнем ресторане пиццы. И всё красиво выложено, украшено зеленью и, конечно же, присыпано нежными лепестками сакуры. Пиво и сакэ лились рекой. Все ходили, немного пошатываясь, но обязательно улыбаясь, со стаканами, банками или бутылками в руках. Компании были большие и маленькие, можно было определить семьи, спортивные секции, клубы по интересам или просто соседей. Некоторые компании пожилых людей принесли даже свои караоке-плееры с динамиками и микрофонами и пели японские старые песни. И как бы ни пел человек, – хорошо или не очень, – вся компания весело хлопала ему и подпевала.

Посередине аллеи были установлены три больших мусорных бака с надписями: «Пищевые отходы», «Горящий мусор», «Негорящий мусор». Под надписями были прикреп-

лены листы с подробным описанием того, что в какой бак выкидывать. Было удивительно смотреть, как подвыпившие люди, уходя с места отдыха, дружно собирали мусор, сортировали его в полиэтиленовые пакеты и выбрасывали в соответствующие баки. И когда какая-нибудь компания уходила из парка, после оставалось совершенно чистое место, готовое к принятию новой партии желающих полюбоваться цветущей сакурой.

«Да, тесновато, но никто не ропщет, как будто одна большая семья на пикнике», – слегка удивилась Дана, постепенно приближаясь к «своей» клеёнке, о которой с утра позаботился Коля. Расстелил он её под небольшим деревом сакуры, немного сбоку от основной аллеи, но отсюда открывался чудесный вид на основную часть парка. Вообще, места на основной аллее занимают чуть ли не с ночи или предыдущего дня. Ребята разложили принесённую еду, чокнулись банками с пивом и начали своё «любование». Через несколько минут недалеко от них послышался шум и смех. Оказалось, несколько подвыпивших молодых людей, балуясь, начали толкаться, и один, потеряв равновесие, упал на старичка с соседней клеёнки. Слов начавшейся перебранки слышно не было, но по поведению и жестам было понятно, что «представление» сейчас начнётся. Однако через несколько минут все трое молодых людей выстроились в одну линию лицом к обиженным соседям, склонились в низком поклоне под углом в девяносто градусов с опущенными головами.

Старики ответили не менее церемонным, но менее низким поклоном. Распрямились обе группы одновременно. Затем обиженные дедушки налили молодым из своих бутылок, видимо, сакэ, вместе выпили и расселись по своим клеёнкам. «Вот это да!» – восхитилась Дана, вспомнив родную страну.

Несколько раз к ним подходили японцы, предлагали сакэ или сладости, и когда выяснялось, что имеют дело с русскими, неизменно интересовались, холодно ли в России, обязательно восхищались красотой русских девушек и их габаритами – «они больши-и-ие». Один, уже сильно нетрезвый, мерялся ростом с Лилей, он еле доставал ей до плеча. Цокая языком, он поведал, что курит, считай, с детства – вот, дескать, и не вырос, как надо.

Когда стемнело, весь парк осветился прожекторами, искусно направленными на усыпанные цветами кроны деревьев. Вскоре репродуктор известил о закрытии парка, все зашевелились, собирая мусор и сворачивая клеёнки.

По дороге домой Дана вспоминала эти бело-розовые цветочные облака. Цветущая сакура – зрелище действительно невероятно красивое. Голые кроны деревьев, густо усыпанные белыми с розовым оттенком цветами, были похожи на облака. Говорят, что сакура производит разное впечатление на людей в зависимости от их возраста и состояния души: старики видят в белых ветках седину, молодые мамы видят в розоватых цветах младенчество, ученики – расставания и новые встречи: учебный год в Японии начинается первого

апреля. Дана же увидела молодость. Бурную всепоглащающую молодость, безапелляционную и даже где-то деспотичную в своей прелести. Сакура – это пустоцвет, который не приносит плодов, точнее, очень малое количество ягод выживает при такой низкой температуре. Но чтобы выстрелить цветами всего на две недели сразу же после зимних холодов, дерево сакуры забирает все минералы из почвы. Оно так сильно истощает почву, что даже не все сорняки уживаются рядом. «Прямо не цветок, а хищник какой-то. Так и молодость – врывается бурным потоком чувств, надежд и стремлений и не терпит ни слабости, ни лишнего рядом. А потом уносится прочь так же быстро, как опадают с веток цветы сакуры, – философствовала Дана по пути в общежитие, окруженная новыми друзьями. – И всё-таки, как хорошо, что есть такое чудо на свете – короткое время цветения сакуры. Жаль, что ни мама, ни Димочка не посмотрели на такую красоту вместе со мной».

Глава 6

В день посвящения в студенты Дана встала рано, умылась, оделась в парадный костюм, состоящий из чёрного шерстяного пиджака и юбки до колен, взяла ручку, несколько карандашей, все документы, полученные от Каваками-сан, и вышла из общежития.

Сегодня у стажёров и первокурсников была возможность увидеть всех, с кем им придётся провести этот год. Выходя из дверей общежития, Дана заметила Ямаду-сан, помощника Каваками-сан, с ним она познакомилась, когда он сопровождал их в городскую мэрию. Ямада-сан ждал стажёров, чтобы проводить их до здания, где будет проходить церемония: сами они могли заблудиться и опоздать. Это был молодой человек лет двадцати пяти, невысокий, худенький, с маленькими сухими ручками, но с живыми глазами и красивой ослепительной улыбкой. Было удивительно, как улыбка преобразует его лицо.

Он стоял перед дверью в общежитие, делая вид, что читает какие-то бумаги, то и дело посматривая на часы. Лиля и Алексей опаздывали. Дана вышла ровно в назначенное время, но по правилам японского этикета это уже считалось опозданием, поэтому Ямада-сан сурово посмотрел на русскую студентку и кинул короткое: «Охаё». Дана тоже пожелала японцу доброго утра. «Он явно нервничает, пожалуй,

не стоит сейчас с ним разговаривать», – решила Дана, но долго хранить молчание было слишком тяжело для такого дня, поэтому она набралась смелости и заговорила:

– Холодно сегодня, правда?

– Да, холодно. Но по сравнению с Россией сегодня очень тепло, да?

– Да, в России сейчас холоднее, чем здесь, но мне здесь тоже холодно.

– Твои одноклассники опаздывают, это нехорошо.

– А вы только нас ждёте или ещё за кого-нибудь отвечаете?

– В том-то и дело. Нам ещё надо забрать китайцев и корейцев. А твои друзья опаздывают. Это нехорошо, – и посмотрел на часы ещё раз.

В это время в дверях показалась Лиля, свежая и прекрасная, как всегда. Ямада-сан посмотрел на русскую красавицу и сказал:

– Вот сколько смотрю на неё, столько думаю, какая же она большая.

– Охаё-гозаимасу. Добрый день, Ямада-сан, – с улыбкой произнесла Лиля.

– Охаё! Добрый! Вот я тут говорил, какая же ты большая. У нас таких высоких девушек очень мало. Тебе надо играть в волейбольной команде.

«Ну надо же, какой хам! Как просто он говорит такой «комплимент» ей в глаза, – удивилась Дана. – У нас бы за

такое сразу в лоб получил. Да, вот уж джентльмен».

В дверях показался растрёпанный и лохматый Алексей, пытавшийся на ходу натянуть пиджак и одновременно застегнуть сумку, при этом бормоча что-то о будильнике и приглаживая руками свои жиденькие волосенки. Ямада-сан объяснения Алексея слушать не стал, только взглянул недовольно на часы и сказал: «Пошли!»

Все быстрым шагом направились в сторону автобусного терминала. Утро выдалось свежим и бодрящим после ночного дождя, но луж не было, а под ногами лежали сбитые дождём лепестки сакуры.

Дана продрогла, поэтому идти быстрым шагом было даже приятно. Пройдя несколько кварталов, они завернули к дому, где их уже ждали китайские студенты. Дана, глядя на этих молодых людей, с первого взгляда поняла, что они не японцы. Было в них что-то суетное, грубоватое и совсем не японское. Еще какое-то время все вместе подождали корейских студентов, а когда те подошли, поспешили в сторону городского холла. Дана отметила, что корейцы, несмотря на схожие с японцами и китайцами черты лица, тоже отличаются от них. Особенно отличались девушки: китайки казались простоватыми по сравнению с японками, от их одежды веяло китайским рынком. Корейки выглядели строгими красавицами с холодным взглядом, не свойственным японкам.

Церемония посвящения проходила в центральном городском холле и состояла из нескольких частей: официальной,

рабочей и развлекательной. В официальной части ректор дал свои напутствия новоиспечённым студентам. Рабочая часть заключалась в разъяснении системы выбора лекций, набора баллов и написания дипломной работы. И третья, основная часть – банкет. Церемония была расписана по минутам. Речь – двадцать пять минут, объяснения – шестьдесят минут, банкет – сто двадцать минут. В листочках, которые все получали при входе, было написано время, когда двери холла закроются и уйдёт последний автобус в центр города. Одним словом – пунктуальные японцы.

Пройдя в большой холл, похожий на партер театра с большой сценой, Дана увидела, что места заполняются с задних рядов. Вдали от сцены, где расположились профессора и ректор, все места уже были заняты, в середине зала некоторые ещё были свободны, передние же ряды были пустыми. Было как-то неудобно пойти и сесть туда на виду у всего зала, поэтому русские студенты выбрали три места в середине, около прохода. Поток новых студентов прибывал быстро, и вскоре незанятых мест осталось немного. А первые три ряда так и остались пустыми. Дана крутила головой, пытаясь рассмотреть лица первокурсников. Стажёры приехали учиться по экспресс-программе, и со многими здесь сидящими они практически не будут пересекаться, а Дане очень хотелось завести друзей. Вот и крутила головой в поисках возможных кандидатов на эту роль. Да и очень интересно просто посмотреть на молодых японцев. Странно было наблюдать

большую толпу людей с неизменно чёрными волосами, одинаково одетых в серые, чёрные или темно-синие костюмы. Толпа гудела, разговаривала, слышался смех, но атмосфера была какая-то напряжённая. Видно было, что не все чувствуют себя уютно в новом коллективе.

Ровно в указанное в листовке время на сцене появился Каваками-сан с микрофоном. Поздоровался, пересказал ещё раз содержание листков и объявил выход ректора. Как только зазвучали первые слова оратора, зал стих, все взгляды устремились на сцену и буквально через несколько секунд не меньше трети всех слушателей опустили головы на грудь и уснули. «Вот это да! – не на шутку удивилась Дана. – За всё время в школе я спала всего два раза: первый раз в восьмом классе, когда опаздывала химичка, и второй уже в институте после того, как всю ночь писала срочный реферат по философии. А тут тридцать процентов людей заснули моментально после начала речи. Вот это разница культур!»

Ректор был японцем лет шестидесяти, среднего роста, крепкого телосложения, с большой, абсолютно седой копной волос. Голос у него был глухой, говорил он быстро и сложно, поэтому Дана почти ничего не поняла. Похоже, сначала речь шла об истории университета, потом о том, какие факультеты есть, о составе студентов, скорее всего, тоже было сказано, так как звучали слова «Китай», «Корея», «Россия» и «Фиджи». А потом, скорее всего, было рассказано о внутренних правилах, потому что Каваками-сан активно стал ки-

вать головой и даже что-то записывать в блокноте. Но ровно через двадцать пять минут речь была закончена пожеланиями успехов. Раздались дружные аплодисменты, причём хлопали все, даже те, кто до последнего слова спал.

Во время рабочей части церемонии студентов, обучавшихся по экспресс-программе, позвали в отдельную комнату для прослушивания информации. Дана вместе с Лилей и Алексеем перешли в просторную комнату с большой белой доской. Им раздали толстые книги, какие-то красные листочки и несколько брошюр. И целый час женщина из отдела по работе с иностранными студентами с пробором строго посередине головы что-то объясняла у доски. Из её речи Дана поняла, что через неделю, в понедельник, надо сдать эти красные бумажки в ректорат, иначе учиться они не смогут. Похоже, бумажки эти были чем-то вроде личного расписания, но как их заполнять, так и осталось загадкой. Из комнаты Дана вышла в полном недоумении, и очень обрадовалась, когда увидела Вику, помогавшую двум японкам убирать книги и брошюры. Все трое новобранцев поспешили к сэмпая и поделились своей бедой: они ничего не поняли.

– Ну, я так и знала, – фыркнула Вика, – говорила я этим японцам, что лучше бы мне заплатили и дали рассказать про систему на доступном для вас языке. Так нет же, они всё должны делать самостоятельно. В результате вы ничего не поняли, и я осталась без заработка. Ладно, давайте расскажу вкратце. Значит, так. За четыре года обучения в универ-

ситете студент должен набрать сто сорок очков, тридцать из которых занимает дипломная работа. Соответственно, надо набрать предметов на сто десять очков. Желательно максимальное количество лекций прослушать за первые три года, так как в последний год люди заняты дипломом и поисками работы. Тут уже не до сидения за партой. Но если вы не успели набрать нужные очки, то добываете их в последний год. Если вы не набираете сто сорок очков, то остаётесь ещё на год, а, может, и на два, пока не наберёте очки или пока деньги на учёбу не закончатся. Конечно, очки вам не начисляются, если вы прослушали предмет, но не сдали экзамен по нему. Больше набрать баллов можно, это не воспрещается. Еще вопросы есть?

Вопросов не было, и Вика продолжила:

– В вашем случае программа длится всего один год, в течение которого надо будет прослушать лекции и написать диплом. А набрать вам надо всего пятьдесят очков, десять из которых – диплом. Он, кстати, полегче, чем обычно, но тоже мороки много. Так, теперь откройте книгу, которую вам выдали, на последней странице и изучите таблицу. Видите синенькие кружочки? Это предметы, обязательные к прослушиванию в вашей программе. Незакрашенные кружочки – предметы по выбору, то есть, если вам они интересны. Пунктирные кружочки – это значит, что есть ограничения на эти предметы, например, нельзя прослушать «Историю Китая-2» раньше «Истории Китая-1», ну или что-то в этом

роде, там сами почитаете, разберётесь. Есть ещё чёрные и красные кружочки, они обязательны для студентов, обучающихся четыре года, для вас же выбор по желанию. Понятно? Следующая неделя – пробная, можете ходить на любые интересные вас лекции и выбирать, ну, кроме обязательных, конечно. А через понедельник надо заполнить своё расписание и сдать в ректорат. Вот и всё, и нечего было грузить вас целый час непонятными разговорами.

– А если мы не сдадим расписание вовремя, что будет? – спросил Алексей.

– Не знаю, я не пробовала не сдавать, но, скорее всего, ничего не будет: придёт кто-нибудь из отдела по работе с иностранцами и заполнит всё вместе с тобой, а потом расскажет всему преподавательскому составу, насколько русские студенты тупые.

– А ты с нами на банкет пойдёшь? – спросила Дана.

– Меня никто не приглашал, но проводить вас до места мне поручили.

Вика явно была не в духе. Она отвечала на вопросы новобранцев, но было видно, что делает это через силу. «Может быть, у неё голова болит», – попыталась оправдать девушку Дана.

Банкет проходил в другом здании, поэтому пришлось выйти на улицу. Там их встретила толпа студентов, которые раздавали первокурсникам какие-то бумажки разных цветов и размеров, похожие на рекламу.

– Что это они раздают? – спросила Лиля.

– Приглашения вступать в клубы по интересам.

– Куда-куда? – переспросил Алексей.

– В клубы. Это очень важная часть учебного процесса в Японии. Клубы могут быть разными, от спортивных секций до клуба любителей гербариев. Главное, туда вступают люди, которым это интересно. Понимаете, когда у всех своё расписание, встретиться и подружиться с кем-то сложно, а вот в клубе ты находишь свой круг общения, причём со всех курсов.

Дана посмотрела на врученные ей бумажки серьёзно, хотя ещё секунду назад искала урну, чтобы избавиться от лишней макулатуры, и подумала, что обязательно надо будет рассмотреть все объявления о клубах и вступить в какой-нибудь, ведь это реальный шанс быстро завести друзей или хотя бы знакомых.

– А ты в каком-нибудь клубе состоишь? – спросила она Вику.

– В клубе помощников организации университетских мероприятий.

– Круто! Даже такой есть? – удивилась Дана.

– Всякие есть, – ответила Вика, продолжая пробираться сквозь толпу.

– А я не буду никуда вступать, – вмешалась в разговор Лиля, – дурь какая-то – своё собственное время тратить.

– Это личное дело каждого, – тихо ответила Вика.

Продолжая рассматривать студенческую толпу, Дана увидела молодого человека, кутившего в стороне от общей массы. Дана даже потеряла дар речи от его красоты: длинные шелковистые волосы мягко спадали на широкие плечи, миндалевидные карие глаза лениво оглядывали толпу, немного капризные, очень чувственные губы сжимали сигарету, весь его образ излучал неторопливость и задумчивость. «Почему этот красавец учится где-то в маленьком городке, а не блистает на подиуме или в шоу-бизнесе?» – удивленно подумала Дана.

– Не знаешь, в каком клубе состоит вот тот молодой человек? – спросила Дана Вику.

– Не знаю, а вообще, наверное, он должен представлять клуб «Бездельников и прожигателей жизни», большего разгильдяя в жизни не видела, – резко ответила Вика.

– А он, случайно, не занимается модельным бизнесом?

– По-моему, он так глуп, что даже не знает, насколько красив. Иногда девушки говорят ему об этом, но, похоже, до него их слова не доходят. И вообще, держись от него подальше. Ладно, пошли, – заторопилась Вика.

Да, Вика определённо была сегодня не в духе.

Хотелось ещё немного посмотреть на красавца, и, продвигаясь сквозь толпу, Дана всё оглядывалась на него, и когда в очередной раз отвернулась, обнаружила, что Вики и однокурсников рядом нет.

Глава 7.

Постояв несколько секунд и повертев головой, Дана поняла, что вообще ни одного знакомого лица поблизости нет. Не было видно ни иностранных студентов, ни знакомых преподавателей. Все ушли на банкет. «Конечно, когда на всё про всё два часа, идти на банкет надо быстро, – подумала Дана. – И что же мне теперь делать?» Пользуясь случаем, она ещё несколько секунд полюбовалась курившим красавцем. «Интересно, кто-нибудь придёт за мной, когда поймут, что меня нет? Скорее всего, да, но когда? Придётся спросить у кого-нибудь». Она огляделась и увидела неподалёку молодого человека, что пел в баре. Он стоял с двумя парнями: один из них курил, другой что-то рассказывал, размахивая руками. Дане было очень неудобно, но она подошла к беседующим молодым людям:

– Простите, пожалуйста, – обратилась она ко всем троицам, но смотрела на того, кто пел в баре, в надежде, что он её узнает. – Вы не подскажете, как пройти на банкет?

На лице молодого человека не промелькнуло и тени эмоций. Скорее всего, он не вспомнил Дану. Стало как-то неловко за то, что прервала беседу, и за то, что пристала к незнакомым парням прямо на улице. Дома бы она себе такого не позволила. Реакция всех троих была разная: куривший дёрнулся и отодвинулся подальше, говоривший же замахал ру-

ками: «Я не говорю по-английски», хотя девушка обратилась на ломаном японском, и только знакомый Дане парень посмотрел на бумажки в её руках понимающе кивнул.

– Первокурсница? – коротко спросил он.

– Хай. Да, – кивнула Дана с широкой улыбкой.

– Покажи свои бумаги, – он стал изучать расписание и через несколько секунд снова кивнул. – Тебе нужно в здание «Д», это недалеко. Давай провожу, я как раз хотел туда пойти, чтобы купить чай.

– Зачем тебе идти аж туда, автомат с напитками есть здесь, за углом, – удивлённо спросил «не знаток» английского.

– Там есть мой любимый сорт, которого нет здесь, подождите, я скоро буду, – сказал и кивнул Дане, чтобы следовать за ним.

Конечно же, никакого чая ему не надо было, и идти к корпусу «Д» он тоже не собирался до той секунды, пока не подошла Дана. Но в этом и заключается особенность японского сервиса – не напрягать людей своими благодеяниями. Если бы он сказал, что пойдёт провожать потому, что к нему обратились, стало бы ясно, что он оказывает услугу. И попросивший будет чувствовать себя неловко оттого, что доставил беспокойство. А так, получается, что он никому услуги не делает, и человек, которому оказана услуга, не чувствует себя обязанным. Но тогда Дане было невдомёк, что скрывалось за фразой: «Мне как раз туда надо».

Пройдя несколько метров, парень сказал:

– Я тебя, по-моему, где-то видел.

Дана очень обрадовалась, что всё-таки он запомнил её.

Она кокетливо улыбнулась:

– Мы встречались в «Джэки и бобовое зёрнышко» пару дней назад. Я тебя очень хорошо запомнила. Ты пел весёлую песню. Меня, кстати, зовут Дана, – неожиданно для себя выпалила она.

– Наверное, так оно и было, но я очень смутно помню события того вечера. Я – Нагаи Таку, но ты можешь звать меня Мару.

«Интересное прозвище. Означает «круг» по-японски», – подумала Дана и внимательно осмотрела своего спутника. Ей показалось, что она поняла причину такого прозвища. Мару был не слишком высокого роста, широкоплечий, коренастый, с рыжеватыми, явно выгоревшими на солнце коротко стриженными волосами. Лицо было круглым или, скорее, квадратным, с большими глазами, немного приплюснутым носом и мужественными губами. Кожа загорелая и немного обветренная, было видно, что человек много времени проводит на море. Надо сказать, Мару был не то чтобы красив, но невероятно привлекателен. Главное – от него веяло спокойствием и уверенностью. «Наверное, за это тоже можно называть его Мару, и острых углов у него нет, весь, как круг – уравновешенный и сбалансированный», – подумала Дана.

– На каком ты курсе? – спросила Дана, надеясь услышать, что на втором, и у них будет много шансов встретиться на

общих лекциях.

– На четвёртом. Правда, мне катастрофически не хватает очков, так что надо за этот год убрать все хвосты. Все три года я занимался в клубе, вот и запустил учёбу. Но ничего, я наверстаю. Мне надо закончить в этом году обязательно.

– А в каком клубе ты состоишь?

– Спасателей.

– Спасателей? Это как?

– Ну, ты что, не слышала? Спасатели на водах. В данном случае на море.

– И что, тебе интересно?

– Очень интересно, мы много тренируемся, катаемся на досках, а летом во время каникул работаем на пляже – следим за безопасностью отдыхающих.

– Разве интересно собственные каникулы тратить на безопасность других? Вам, наверное, хорошо платят?

– Нет, платят там немного, это, скорее, общественная работа. Но делать её очень приятно и интересно. Кажется, что ты дружишь с морем. Когда поможешь человеку, очень хорошо на душе. И потом, нельзя описать словами, как здорово сделать пару заплывов в море, когда пляж уже опустел.

«Ничего не понимаю, – подумала Дана, – тренироваться весь год для того, чтобы потратить каникулы на работу за гроши?» И поймала себя на мысли, что ей жутко хочется тоже испытать то, о чём рассказывает Мару. «А ещё у меня будет причина почаще бывать у моря,» – и у Даны в глазах

промелькнула озорная искорка.

– А можно к вам в клуб записаться? Только я по экспресс-программе, пробуду здесь всего год, – спросила вслух Дана.

– Можно. Спасателем может быть каждый, было бы желание, – с улыбкой ответил Мару. – Я, вообще-то, только поддерживать наших пришёл, поэтому у меня даже нет бумажек с нашими контактами, но через неделю на ярмарке клубов у нас будет своя палатка, приходи.

Дана и не заметила, что они уже стоят у входа в большое здание.

– Ну, тебе сюда, – сказал Мару и сразу повернул обратно.

– Аригато годзаимасита! Спасибо большое! – сказала Дана уже вслед провожатому.

Дана смотрела на уходящего Мару и думала, что чем-то он ей очень понравился. Возможно, тем, что не спрашивал, холодно ли в России, не пытался общаться с ней на пальцах, как с иностранкой. И ещё Дана знала точно, что через неделю пойдёт и запишется в клуб спасателей.

Больше плутать не пришлось: в здании были указатели со стрелками, которые привели к большим деревянным дверям. Открыв их, Дана оказалась в просторном холле с огромной люстрой посередине потолка и несколькими маленькими хрустальными светильниками по углам. Пол был устлан мягким ковром светло-розового цвета. Приём был а-ля фуршет: посередине холла стоял длинный стол с закусками. Че-

го там только не было: и суши всех сортов и видов, и красивые бутербродики-канапе, и спагетти с соусом песто, и даже картошечка, жареная с беконом. Видно было, что меню составлено не только для японцев, и это радовало. Как настоящая сладкоежка, Дана дольше всего задержалась у десертов, где кроме фруктов лежали разные по виду, но одинаковые по размеру пирожные и стоял лоток с мороженым.

По периметру холла были расставлены круглые, достаточно высокие столы, вокруг которых расположились празднующие группками по десять человек. У дальней стены виднелась невысокая сцена с микрофоном. На сцене никого не было, но все стояли к ней лицом. Дана в толпе черноволосых японцев быстро отыскала светлую голову Алексея и потихонечку направилась к своим. Проходя мимо столика сотрудников университета, она встретилась глазами с Каваками, который покачал головой. Сначала было непонятно, к чему относился этот укор, но потом выяснилось, что Дана пропустила речь ректора и заявила как раз к началу банкета, что не приветствуется по японскому этикету. Когда Дана подошла к своему столику, на сцене появился мужчина, как потом оказалось, профессор и декан университета Хирокава-сэнсэй. Он вышел, чтобы произнести традиционный праздничный тост, оповещающий о закрытии торжественной части. Хирокава-сэнсэй поднял бокал с пивом, в зале все тоже подняли бокалы:

– Я рад приветствовать вас в этот замечательный день!

Мне особенно приятно произносить эту речь перед новыми студентами нашего университета, потому что в этом году произошло двадцатое посвящение в студенты, а значит, наш университет достиг совершеннолетия. Я надеюсь, что вам понравится учиться вместе с нами. Я предлагаю начать банкет, но прошу не забывать, что некоторые из вас не переносят алкоголь, поэтому не требуйте, чтобы все пили потому, что они вас уважают. Кампай!

– Кампа-а-а-й! – дружно подхватил зал.

Потом все чокнулись, быстро отхлебнули по глоточку, поставили бокалы на столы и дружно захлопали. Пройдут годы, Дана будет присутствовать на многих банкетах и вечеринках, но так и не сможет научиться быстро действовать после объявления: «Кампай». «Как же они успевают и чокнуться, и отпить, и похлопать?» Видимо, этот навык врожденный и передающийся по наследству.

Банкет начался, в зале сразу стало шумно, толпа задвигалась. Большая очередь образовалась к столу с закусками, все переговаривались и шутили. Как только начался банкет, Каваками-сан схватил бутылку с пивом и побежал к начальнику своего отдела подливать напиток в его стакан. Через несколько минут и ректор, взяв бутылку, пошёл подливать пива в бокальчики своим подчинённым. Оказывается, у японцев самому себе наливать напитки в стакан не принято, тебе должен налить тот, кто тебя уважает. Вот и бегают они весь банкет с бутылками и друг другу подливают, чтобы ни

у кого стакан не пустовал. Японцы на таких банкетах пьют пиво из маленьких бокальчиков, размером немного побольше водочных стопок. Поэтому сколько бы тебе не подливали, выпить несколько литров пива просто невозможно. Причем японцы не просто наливают напиток в стакан, а разговаривают, приветствуют друг друга или высказывают пожелания. Одним словом, если нужно засветиться перед начальством или найти повод заговорить с кем-то, лучшего способа не придумать. Конечно же, все эти хитрости нельзя понять сразу, поэтому в глазах Даны это «обслуживание» друг друга показалось непонятной суетой.

Алексей со своим стаканом пива вскоре оказался окружен японскими девушками, которые откровенно кокетничали с ним, с восторгом обсуждая его голубые глаза и светлые волосы. Лиля же стояла одна и потерянно озиралась. Уж кто-кто, а она не привыкла к одиночеству на банкете. Дана взяла бутылку пива и пошла к Лиле, чтобы составить ей компанию. Однако Лилю, привыкшую к мужскому вниманию, это особо не развеселило. Она состроила кислую мину и начала критиковать зал и угощения:

– К столу не пробраться, к десертам не протолкнуться. Кто же так устраивает праздники! – возмущалась Лиля и запивала своё одиночество содержимым стаканчика. – И стаканчики-то маленькие, разве так пиво пьют? Слов нет!

Алексей, разгорячённый женским вниманием, к которому он явно не привык, пытался разговаривать со всеми девуш-

ками вместе и с каждой по отдельности, стараясь объяснить, как его зовут, но подвыпившим японкам произнести длинное слово Арэкусэи было не под силу, поэтому буквально в считанные секунды он превратился в Арэкса, причем плэйбоя с замашками знаменитости вместо невзрачного студента. Он так вошел в роль, что с удовольствием показывал, как трясётся от холода у себя дома, хотя раньше содрогался от вопроса, холодно ли в России. Дана хихикала про себя, вспоминая как ещё несколько дней назад Алексей заявлял, что «будет представляться, как есть – пусть привыкают».

Тут к русским девушкам подошёл подвыпивший японский студент и, показывая на Лилю пальцем, протянул:

– Какая же ты большая! А у вас в России все женщины такие большие?

Потом, глядя на Дану, он добавил:

– Клёвый у тебя цвет волос, я себе тоже такой хочу.

На что Дана и Лиля попытались ответить что-то типа: «Хочется – перехочется», – но по-японски это получилось как-то непонятно, и даже не выглядело так, что девушки возмущены такими замечаниями в их адрес. А японец начал рассказывать, что когда-то в детстве он читал, что в России люди не едят мороженого, потому что им и так холодно. Лиля, бледнея от возмущения, не нашла ничего лучше, чем сказать:

– Да уж, действительно, я даже в Японию специально приехала за тем, чтобы мороженое попробовать.

Дана хихикнула, а японец вытаращил на Лилию свои уже достаточно красные глаза, схватил её за руку и потащил к лотку с мороженым, стоящему на десертном столике. Он растолкал всех и начал что-то растолковывать Лиле, пытаясь накормить её мороженым. Но Дана уже не слышала слов, так как они ушли очень далеко.

Посмеиваясь над ситуацией, Дана собралась было пойти поискать чего-нибудь вкусенького перекусить, как рядом с ней вырос Каваками-сан с бутылкой пива. Он предложил подлить в её стакан, и Дана поставила стакан на стол, как принято в России, чтобы деньги не утекали. Каваками-сан посмотрел как-то расстроено, но потом сообразил, что перед ним иностранка, и быстро объяснил, что в Японии стаканы не ставят, когда в них наливают, а наоборот, держат на весу двумя руками. Иначе ты показываешь наливающему своё неуважение. После этого он рассказал, что недалеко от этого холла есть небольшое студенческое заведение, где можно продолжить веселиться. После некоторых расспросов Дана поняла, что после официального банкета учителя и сотрудники университета переходят в другие рестораны и бары, и чтобы не встретиться там со студентами, они сами им рассказывают, куда можно пойти после официального банкета для продолжения знакомства. Но когда на сцену опять вышел ректор с красным вспотевшим лицом и объявил об окончании торжественного банкета, Дана обнаружила, что Алексей уже уходит в компании японок в неизвестном на-

правлении, а Лиля на предложение пойти куда-нибудь посидеть только фыркнула:

– Я не в настроении! – и быстрыми шагами заспешила к выходу.

Было около часа дня, и заканчивать веселиться было даже обидно, но компании не было, оставалось только пойти домой. Впрочем, Дана даже была рада немного побыть в одиночестве, и, подождав, пока схлынет основной поток студентов, направилась к выходу. Но тут её окликнула Вика, которая закончила помогать организационному комитету и ждала Дану в холле.

– Прости, пожалуйста, что я тебя потеряла. Мне крайне неудобно!

– Сама виновата, – улыбнулась Дана, – не надо было на мальчиков заглядываться.

– Слушай, тебе не хочется пойти куда-нибудь продолжить банкет?

– Очень хочется. Но только если с тобой, – активно закивала Дана.

– Класс! Тогда пошли переоденемся и сходим кое-куда, я тебе покажу классное место.

Они купили всё для пикника на двоих: жареную курочку, картофельные чипсы, пиво, несколько баночек со сладкими коктейлями, фрукты и шоколад и отправились в парк.

Недалеко от аллеи с деревьями сакуры был пригорок, на самой вершине которого стояла живописная деревянная бе-

сидка со столом и двумя лавочками по обе стороны. Здесь было свежо, приятно, отсюда открывался великолепный вид на океан. Дана смотрела на эту бескрайнюю синеву и ей показалось, что она поняла, о чём говорил Мару. «Я хочу познакомиться с этим морем», – пронеслось в голове.

Глава 8

«Славный получился день! Как много впечатлений, знакомств, как хорошо бы подружиться с Мару», – думала Дана, придя домой после пикника. Было уже поздно, пора спать, но тут её как током ударило: звонок Димочке! Она же обещала позвонить своему любимому, а прошло как раз три дня. «Как же я могла забыть? Димочка – самый дорогой человек, и он сейчас наверняка сидит, ждёт, волнуется. Надо же как эти японские хлопоты закружили, чуть не забыла о самом главном!» Идти не хотелось, было уже темно, но обещания надо выполнять. Дана взяла сумку и побрела к автобусному терминалу.

Фонари на улицах светили не везде, поэтому идти одной было страшновато. Придавало смелости то, что скоро она услышит любимый голос, по которому скучает, расскажет, как прошли первые дни в Японии, и, конечно же, как сильно она любит своего Димочку. Вспомнилось, как хорошо им было вместе, как он всегда держал её за руку. Всегда. Рядом с ним Дана чувствовала себя защищённой и счастливой.

Она дошла до терминала, купила карточку и набрала знакомые цифры. Трубку подняла Дими́на мама, стала расспрашивать, как дела и всё ли в порядке. Оказалось, что Димы дома нет – ушёл с друзьями играть в баскетбол, будет примерно через час. Дана пообещала перезвонить. Выйдя из буд-

ки, она почувствовала себя потерянным щенком. «Он забыл о нашем уговоре и ушёл играть в какой-то баскетбол!» Дана злилась. Был испорчен такой замечательный день! «Наверное, он не мог не пойти на игру – может быть, заболел основной игрок команды, и его срочно попросили поиграть на соревнованиях. Это, конечно, важнее разговора. Я ведь и перезвонить могу», – рассуждала Дана уже у себя в комнате. Немного успокоившись, она стала смотреть какой-то японский фильм по телевизору. Когда настала пора выходить, хлынул проливной дождь. «И тут не везёт. Но ничего не поделаешь, обещала же, теперь придётся шлёпать по лужам», – пробормотала Дана, взяла зонтик и вышла из общезития во второй раз.

Идти до терминала было совсем недалеко, но под проливным дождём и ветром дорога показалась бесконечной. Всё намокло, и достать мокрыми руками из кошелька карточку оказалось нелегко. Дана сняла трубку, подержала её в руках несколько секунд и с ужасом поняла, что телефон не работает. Наверное, из-за грозы отключился. Она перешла в соседнюю кабинку, потом ещё в одну, но нигде не было гудков. «Что такое не везёт и как с ним бороться? – промелькнуло в голове у Даны. – А всему виной этот матч. Может быть, больше вообще не звонить Диме?» И как только эта мысль возникла в голове, будущая жена твёрдо решила во что бы то ни стало поговорить с Димочкой именно сегодня. Она прошла через площадь к посту дежурного по станции и спроси-

ла, где находится ещё автомат, с которого можно позвонить за границу. Оказалось, что до ближайшего идти не так далеко, по ступенькам в гору.

Через пятнадцать минут Дана всё-таки добралась до вершины холма, на котором стоял заветный телефонный автомат. Зайдя в кабинку, пришлось повторить всю процедуру вытирания рук и извлечения карточки из кошелька. Намучившись, Дана решила перевести дух: «Ну, сейчас-то я точно одна в этом районе. В такую погоду, как говорится, и собаку на двор не выгонят». При этой мысли Дана обвела глазами залитый дождём красиво оформленный пятачок земли, похожий на маленький парк. И к её величайшему удивлению обнаружилось, что она не одна. Неподдалёку, под большим деревом, у самого края холма стояла парочка под большим зонтом и фотографировалась. Это было понятно по вспышкам, хорошо заметным в темноте. «Бедняжки, дождь испортил им свидание». Но по движениям и какой-то радостной суете видно было, что парочка совсем не расстроена. В этот момент сильный порыв ветра стал вырывать зонт из рук молодого человека, и он опустил его, чтобы не лишиться столь нужного в данный момент аксессуара. Дана увидела, что парочка целуется. «Да, когда рядом милый, не страшна и такая непогода. Но надо же, как смешно одет этот парень, в таких клетчатых брюках уже давно никто не ходит. Ах, японцы! Неужели в таком виде можно появляться на свидании?» – подумала Дана и вспомнила, что она тоже сейчас будет на

вершине счастья.

Целующаяся парочка тут же вылетела у неё из головы. Только бы он уже вернулся со своего матча. Несколько гудков, и в трубке послышалось:

– Алло.

– Алло, Димочка! Привет, любимый. Это я, – радостно заверещала Дана.

– Кто это? – недоуменно спросил Дима.

– Как кто? Дана. А ты чей звонок ждал?

– Ой, Даночка! Здравствуй, зайчик! Я вообще звонка не ждал, но жутко рад тебя слышать.

– Как это не ждал звонка? Мы же договорились, что я тебе буду сегодня звонить. Я тебе уже второй раз звоню. Тебе мама не передавала?

– Нет. Я только пришёл.

– Тебя что, попросили подменить игрока в важном матче? Ты, наверное, поэтому забыл о нашем уговоре?

– Да нет. Просто ребята пригласили, вот я и пошёл, делать-то нечего.

– Как это нечего? И ты забыл про мой звонок просто потому, что тебя пригласили ребята поиграть в мяч?

– Да, уж лучше бы я туда не пошёл, мы всё равно проиграли. Терпеть не могу проигрывать.

– Сейчас речь, по-моему, не об этом, – Дана снова начала злиться.

– Да ладно тебе, нам и так разговаривать времени мало,

расскажи скорее, как ты там? Уже начали заниматься?

«Господи, он даже не понял ничего! Вот это дела! По-хорошему надо бы устроить ему скандал, но он прав, времени у нас действительно мало, не стоит тратить его на пустые ссоры. Он просто сильно устал, вот и не понимает, что говорит. К тому же, он не знает, какая здесь погода», – в одну секунду пронеслось в голове.

Они поговорили ещё минут пятнадцать и, как всегда, под конец разговора признались в вечной любви друг к другу. Но, положив трубку, Дана поняла, что какой-то неприятный осадок в душе всё-таки остался. Чтобы позвонить ему, она прошла чуть ли не весь город под дождём и ветром! А он даже не помнил об их уговоре. Им и раньше приходилось расставаться на несколько недель, но всегда они чувствовали друг друга, всегда были на одной волне. А сейчас прошла всего неделя разлуки, и произошёл какой-то разлад. Снова вернулось странное чувство, что Дана не просто уехала в другую страну, а попала в другое измерение. Конечно же, любовь к Димочке была так же сильна, как и раньше, просто всё было как-то не так.

Проходя мимо большого дерева у края холма, Дана заметила, что парочка ещё там, и, похоже, они всё ещё целуются. «Везёт же некоторым, – подумала она. – Нет, ну какие смешные брюки, надо же...»

Глава 9

После проливного дождя от великолепия сакуры остался только бледно-розовый ковёр на земле и желтоватый налёт пыльцы на лужах.

Жаль было облетевшей красоты, но всему свое время – пора было браться за учёбу.

С утра в понедельник три русских стажёра сели в школьный автобус и отправились в университет в первый раз. Университет не был большим, но построен был в лучших традициях студенческих городков и состоял из четырёх основных зданий: административного, основного учебного и лингвистического корпусов и спортивного зала. В четырехэтажном административном корпусе размещались разные полезные службы и личные кабинеты профессоров. Здесь ещё находилось очень приятное кафе без кухни, но с кофейными и булочными автоматами. В основном учебном корпусе, тоже четырехэтажном, находился самый большой лекционный зал, аудитории и небольшие пятачки для отдыха. В лингвистическом корпусе, вытянутом низком двухэтажном здании, на первом этаже располагались аудитории, оснащённые аудио- и видеоаппаратурой, необходимой при занятиях иностранными языками, а на втором была библиотека. В просторном проходе между основным и лингвистическим корпусами расположилась уютная и светлая студенческая столо-

вая или, как её принято было называть в этом университете, «кафетерий».

Все четыре здания соединялись друг с другом коридорами, поэтому в дождливые и холодные дни можно было пройти из одного места в другое, не выходя на улицу. Но, когда времени для перехода не было, приходилось срезать путь через двор, вокруг которого и располагались три основных здания, а спортзал выходил туда только торцом. На дворе этом был разбит большой по японским меркам газон и стояли лавочки вдоль красивой пешеходной дорожки. В общем, всё необходимое для счастливой студенческой жизни было. Конечно же, в университетский комплекс входило и большое футбольное или бейсбольное поле, теннисные корты, просторная стоянка для машин и домики, которые служили складами оборудования и инвентаря для различных клубов, но они прятались за основными зданиями.

В солнечные дни основная жизнь университета проходила во дворе. Студенты сидели на газонах, на ступеньках корпусов, на лавочках и вокруг них, и даже на бордюрах пешеходной дорожки. Толпа тусующихся студентов на первый взгляд казалась хаотичной, но если взять в самом крайнем автомате кофе с густой молочной пенкой, сесть на одну из отдалённых лавочек в углу двора и понаблюдать, можно легко определить, кто на каком курсе учится и к какой компании принадлежит.

Молодёжь с волосами, выкрашенными во все цвета раду-

ги, одетая в новенькую яркую одежду, собирающаяся в большие, смеющиеся и шумные группы – это первокурсники. Они ещё не определились по интересам и изо всех сил пытаются самовыразиться в поведении, шутках и цвете волос. Те, которые собираются небольшими группками по два-три человека, у которых ухоженные свежескрашенные волосы и которые одеваются кое-как – второкурсники. Они уже определились, с кем им общаться, поэтому одеваются только для того, чтобы прикрыть наготу. А волосы красят только потому, что у них есть на это время, да и эксперимента ради. Те, у которых уже отросшие крашенные волосы, и которые также собираются по два-три человека, но ненадолго, только чтобы перекурить, перекинуться несколькими словами или обменяться тетрадями – третьекурсники. Они пытаются добрать недостающие баллы с предыдущих курсов в этом году, поэтому времени тусоваться и красить волосы у них нет. А четверокурсников вообще увидишь редко, так как они появляются в университете только на семинары по своей дипломной работе и пробегают к нужной аудитории, не останавливаясь. А если уж остановились, то вокруг них тут же образуется небольшой кружок кохавей, которым они что-то рассказывают или отвечают на их вопросы. У всех четверокурсников были обязательно чёрные, в крайнем случае, немного коричневатые волосы, потому что в этом году они занимались устройством на работу.

Китайские студенты собираются где-нибудь в углу дво-

ра плотным, плечо к плечу, кругом. Курят, что-то громко обсуждают и иногда смеются. Корейцы в основном сидят небольшими группками на корточках, курят или крутят ручки в пальцах. Конечно же, в общей массе студентов были исключения, но и этих наблюдений было достаточно, чтобы ориентироваться в незнакомой толпе.

В тот день Дана видела почти всех обитателей студенческого городка в первый раз и, конечно, пока не различала студентов по типу их поведения, для неё это были просто молодые люди, общающиеся между собой в промежутках между лекциями. Но первые наблюдения Дана сделать смогла. Во-первых, одежда студентов сильно отличалась от той, в которой они были на церемонии посвящения. Во-вторых, большинство первокурсников уже сегодня пришли с перекрашенными во все цвета радуги волосами. Ещё несколько дней назад у многих был натуральный чёрный цвет, а сегодня головы пестрели оттенками от коричневого до лазурно-голубого. Как оказалось, дело в том, что в большинстве школ волосы красить запрещают. В офисе голубые волосы тоже вряд ли воспримут «на ура». Вот и получается, что у японцев есть всего три года в университете, чтобы попробовать на себе разнообразие цветов, стрижек и стилей. А ещё Дана увидела владельца тех смешных клетчатых брюк, поразивших её вечером на залитой дождём вершине холма. Таких брюк не было больше ни у кого, и, похоже, хозяин штанов очень ими гордился.

Его звали Масахирос Кояма, и он был общим любимцем. Это угадывалось с первого взгляда: он переходил от компании к компании, и везде его радостно встречали. Стоило Масахирос подойти к самой тихой группе, и через несколько секунд там раздавался звонкий смех. Он был принят всеми, и старшими, и младшими. Даже учителя любили постоять и поболтать с ним. Масахирос учился на втором курсе, поэтому его уже успели узнать в университетских кругах и, похоже, даже первокурсники были наслышаны о всеобщем любимце. «Наверное, и брюки эти выбрал, чтобы его лучше было видно. Интересно, кто же эта девушка, с которой он целовался вчера? – подумала Дана. – Надо будет понаблюдать за ним. Ой, о чём я думаю уже в первый день? Слов нет. Об учёбе думать надо, а не вести наблюдение за каким-то японцем», – отругала она себя.

За эту неделю надо определиться, что же изучать целый год, к каким преподавателям ходить и с кем общаться. Задача не из лёгких. В книге с описанием предметов она раскрасила предметы разными цветами по мере их необходимости и чётко решила, на какие пробные лекции пойдёт на этой неделе. Было два пути: путь сохранения энергии и путь познания нового. Первый заключался в том, чтобы набрать больше предметов, связанных с Россией (история, литература, культура) и без особых усилий сдавать их, потому что и так всё известно. Второй путь был связан с Японией или другими странами, углублением в науку и зубрежкой новых

иероглифов. Этот путь давал возможность узнать что-то новое и расширить горизонты. Для себя Дана решила действовать по пути наименьшего сопротивления, как и её соотечественники, Лиля и Алексей.

Первой парой в этот день был японский язык – обязательная лекция для всех иностранных студентов. А на второй паре было решено сходить на пробную лекцию по русской культуре. Проходя по длинному коридору учебного корпуса, Дана снова увидела красавца, который так поразил её после церемонии посвящения. Он расслабленно и неторопливо заходил в какую-то аудиторию. Недолго думая, Дана бросила Лиле и Алексею. что-то неразборчивое: «Вы пока идите, а я попробую сходить на эту лекцию, потом обменяемся мнениями», – и поспешила вслед за незнакомцем. «Я только рассмотрю его поближе и всё. Просто не верится, что такая красота в реальном мире существует, – думала Дана. – Сейчас ведь можно ходить на любые лекции, поэтому я посижу здесь, а брать этот курс не стану. Кстати, а куда это я попала? А, ладно, какая разница». Так она размышляла, не выпуская из вида красивого японца.

За две минуты до звонка в аудиторию вошёл профессор, мужчина лет пятидесяти пяти, невысокого роста, хрупкого телосложения с красивой полуседой копной волос и юркими глазами. Профессор выглядел очень ухоженно: до блеска начищенные туфли, свежая и хорошо накрахмаленная рубашка, идеально подходящий по цвету дорогой галстук – по

всей вероятности, не только он, но и его жена прилагали к созданию столь безупречного образа много усилий. А о том, что жена точно существовала, говорило увесистое золотое кольцо на безымянном пальце левой руки. Дана профессор понравился, он заставил аудиторию слушать себя буквально с открытым ртом. Прозвенел звонок, профессор закрыл дверь в аудиторию. Повернувшись к студентам, обвёл глазами аудиторию и заговорил немного хрипловатым баритоном:

– Очень приятно видеть вас здесь. Сейчас мы начнём лекцию по истории буддизма. Если кто ошибся аудиторией, можете удалиться прямо сейчас. Если же вы пришли по адресу, то давайте знакомиться. Меня зовут Токунага. Я преподаю в этом университете историю буддизма и историю архитектуры и искусства Японии. Буду очень рад заниматься с вами этими интереснейшими предметами.

Услышав название предмета, Дана подумала: «Нет, что-то, а историю буддизма я не потяну. Олеколя говорили, что это один из труднейших предметов, и экзамен по нему очень сложный. Его даже японцы-то не все понимают, что уж говорить об иностранцах». Поразмыслив над тем, стоит ли покинуть аудиторию или продолжить заниматься тем, для чего она сюда, собственно, пришла – то есть рассмотреть красивого японца – Дана остановилась на втором варианте: «Может быть, всё-таки найду признаки того, что это просто голограмма. Хотя профессор, похоже, интересно рассказывает, жаль, что я не буду у него учиться».

А профессор тем временем начал рассказывать о планах на год. Он взял мел и стал записывать ключевые слова на доске такими иероглифами, при виде которых начинало рябить в глазах. Слова тоже были все сплошь незнакомые, поэтому они вскоре перестали беспокоить Дану и лились приятной рекой, став фоном для размеренных мыслей. Так и просидела Дана всю лекцию, думая о своём и иногда посматривая на красавца.

Прозвенел звонок, Дана направилась к выходу, размышляя о том, что не запомнила из лекции ничего, кроме имени профессора, как вдруг тот окликнул её:

– Вы не могли бы задержаться?

– Хай. Да, конечно, – к такому обороту событий Дана была совсем не готова и тут же начала краснеть, понимая, что лекция прошла мимо неё.

– Вы откуда приехали?

– Из России.

– Из России? Понятно. Что там, холодно, в России?

– Когда как.

– Понятно. Как вас зовут?

– Сутацукая Дана.

– Очень приятно. Дана – хорошее имя, почти как японское. К нему можно подобрать красивые иероглифы.

– Спасибо, – ответила Дана, покрываясь холодным потом.

Начало разговора не сулило ничего хорошего.

– Я понаблюдал за вами на лекции. Очень похвально, что

вы интересуетесь историей буддизма, эта огромная часть истории Японии очень важна для понимания нашей страны в целом. Я ценю ваше стремление узнать больше о Японии, но поймите, этот предмет очень тяжёл. Во-первых, очень много терминов вам неизвестных, к тому же, много в культуре и поведении японцев вытекает из законов буддизма, которые известны нам, но будут непонятны вам. Боюсь, что вы не справитесь. И мои лекции для вас будут просто потерей времени. Я не рекомендую вам слушать мой курс. Подумайте ещё раз над вашим расписанием, я уверен, что нужные баллы можно набрать предметами полегче.

К концу разговора Дана просто пылала от гнева: «Как он может, вот так взять и решить, что мне его предмет не под силу? Ну и что, что я всю лекцию просмотрела в сторону? Может быть, у меня косоглазие! Это просто расизм какой-то! Почему он не говорит это всем иностранцам, а только мне? Вот китайки там сидели, им, значит, этот предмет под силу, а глупой русской этот орешек не по зубам? Ну, я ему покажу, что такое русские девушки!» И прежде, чем разум хоть как-то включился, Дана уже говорила на ломаном японском слова, круто изменившие всю её дальнейшую жизнь в Японии:

– Сэнсэй, учитель, я интересовалась буддизмом и его историей с детства и мечтала изучать этот предмет до приезда в Японию. Мне будет очень горько, если я не смогу послушать этот курс. Пожалуйста, разрешите мне учиться у вас. Мне будет очень трудно, и поэтому, если вы позволите, можно я

буду разъяснять у вас дополнительно те моменты, которые мне будут не понятны?

На лице сэнсэя кривая сомневающаяся улыбка сменилась выражением напряжённого внимания. Потом он устало вздохнул, как бы говоря: «Как же я устал от такого вранья и таких свистушек», но слегка поклонился и вслух произнёс:

– Конечно же, Дана-сан, это ваше право. Подходите ко мне с любыми вопросами и в любое время, – потом небольшая надежда сверкнула в его глазах. – Но вы всё-таки подумайте над моими словами. Жизнь студента состоит не только из учёбы, развлекаться тоже надо.

– Спасибо большое, сэнсэй. Я буду весь год посещать ваши лекции, – вслух произнесла Дана, а в голове пронеслось: «Знай наших! Русские отступают, но не сдаются! Посмотрим, как ты будешь весь год учить и разъяснять мне, как буддизм пришёл в Японию. Ха-ха!»

Дана поклонилась профессору и вышла из аудитории с высоко поднятой головой. Но на лестнице разум потихонечку начал подключаться к общей деятельности организма, и принёс с собой сомнение в том, что она одержала абсолютную победу над расизмом. А когда Дана дошла до первого этажа и вышла во двор, масштаб только что случившейся катастрофы навалился на неё всей своей тяжестью. Если Дана берёт этот предмет, ей придётся полностью перекроить своё расписание, взяв максимальное количество предметов о Японии, чтобы хотя бы попытаться понять историю буд-

дизма. «Кто же меня за язык-то дёргал? Сказала бы: “Хай, извините, не рассчитала свои силы”, и пошла бы себе, так нет же!» Не такой Дана была девчонкой, чтобы просто взять и признаться в ошибке. Русский дух, который никогда не сдаётся, как-то предательски быстро покинул Дану, и она стояла одна посреди университетского двора, понимая, что только что собственноручно закопала себя в кучу невообразимых иероглифов и неведомых философских понятий.

Так она и стояла с опущенными плечами, когда её кто-то окликнул:

– Дана-чан! Геньки? Как дела, Дана-чан?

– Мару-сан, конничива. Здравствуйте, Мару-сан.

Дана была очень рада его видеть, ей показалось, что теперь катастрофы, которая только что произошла, не будет вовсе.

– Ты чего стоишь одна посреди двора? Опять заблудилась?

– Нет, просто только что я сделала, наверное, самую большую глупость в своей жизни.

– Что такое? Ты наредила ногти не тем цветом? – с ухмылкой произнёс Мару. – Я знаю, что для женщин это целая трагедия, – тут же попытался смягчить насмешку.

– Нет, хуже, я только что записалась на историю буддизма. И когда профессор предложил отказаться от его курса, я почему-то соврала, что всю жизнь только этот предмет и хотела изучать. А я ведь даже не собиралась.

– Да, это серьёзно. Историю буддизма изучать и сдавать трудно даже нам.

– Что я наделала? Что же мне теперь делать? Мне придётся теперь всё своё расписание менять! – жаловалась Дана, как будто ей это как-то поможет.

– Да, ты серьёзно попала. Но, я уверен, что ты справишься. Ты же умная, и по-японски говоришь, и по-русски. Ну, ладно, я пошёл, у меня лекция, – сказал Мару и направился к корпусу, из которого только что вышла Дана.

«Надо же! И всё? Даже советом никаким не помог. Вот тебе и сэмпай».

Да, Дана, чтобы общаться с джентльменами, надо ехать в Англию, – со вздохом подумала Дана. – Всё-таки придётся решать все проблемы самой».

– Дана-чан! – подбежал снова Мару. – Слушай, я тут подумал, у меня тётя работала в этом университете пару лет назад. Она живёт в этом городе. Давай я у неё спрошу, может быть, она что-нибудь посоветует. Она такая зацикленная на учёбе, что точно знает какой-нибудь учебник типа «История буддизма для чайников в картинках».

– Слушай, как здорово! Но как-то неудобно ещё и тётю напрягать.

– Это несложно, мне всё равно надо им звонить сегодня.

– Спасибо большое, но я, наверное, сама попытаюсь, – почему-то не поверила своему неожиданному счастью Дана.

– Ну, как хочешь. Пока, – так же спокойно произнёс Мару

и направился к корпусу.

Теперь бежать пришлось Данае.

– Мару-сан. Извини, пожалуйста, а можно я всё-таки приму предложение?

– Тебя не поймёшь. Ладно, давай свой телефон, я как позвоню ей, тебе сообщу.

Они обменялись телефонами и быстро разошлись. Данаа пошла на следующую пару. И хотя случившееся всё ещё не давало думать ни о чём другом, всё-таки на сердце стало несколько легче.

Глава 10

Следующие несколько дней Дана провела в заботах о новом расписании. Надо было составить план посещения лекций, разобраться, где что проходит и насколько это нужно для её личной программы. Оказалось, что в её новое расписание совсем не вмещаются предметы, связанные с Россией, поэтому ходить по пробным лекциям пришлось одной. Лилиа и Алексей только фыркали и крутили пальцами у виска, не понимая, почему нельзя отказаться от истории буддизма. Конечно, их же не было в аудитории, когда Дана, глядя в глаза профессору, заявила, что мечтала слушать его предмет всю жизнь. Она оказалась совершенно одна, только Вика помогала советами и сочувствовала, но у неё было своё расписание, так что осваивать географию университета приходилось самостоятельно.

В перерывах между лекциями Дана уже попробовала провести время в нескольких местах, но ни одно из них не оказалось идеальным: в курилке в основном лекционном корпусе было слишком накурено, и от дыма тут же начала болеть голова; в кофейном уголке на первом этаже было очень уютно, но за слишком маленькими столиками домашнюю работу делать было крайне неудобно; в библиотеке заниматься было комфортно, но там невозможно поесть. Дана начала присматриваться к поведению других студентов и доста-

точно быстро заметила, что излюбленным местом их времяпрепровождения был кафетерий, или столовая, смотря с какой стороны на неё посмотреть. Здесь можно было полноценно пообедать или просто купить кофе с булочкой или шоколадкой. В кафетерии всегда было полно студентов. Они ели, пили, читали, собирались компаниями, что-то обсуждали, здесь они назначали друг другу встречи и даже свидания. Поэтому свободный столик там, особенно в непогоду, найти было трудно.

Как-то раз во время окна между занятиями Дана пришла в кафетерий поесть и сделать домашнее задание по японскому языку. Дане не повезло: она не попала в группу по японскому вместе с Лилей и Алексеем, поэтому написать «домашку» было не у кого. Она купила очень аппетитный сэндвич с тунцом и молоко в маленькой стеклянной бутылочке. Именно в этой упаковке молоко казалось особенно вкусным даже на вид, и отказать себе в удовольствии его купить было невозможно. Она уже предвкушала, как вкусно перекусит и быстро сделает домашнее задание, но, повернувшись к залу, увидела, что сестра ей со своими книгами и сэндвичем некуда. Времени у неё было не так много, но всё-таки она решила подождать. Прошло минут пять, но никто из сидевших за столиками уходить не собирался. «Эх, за пять минут я бы успела первое задание сделать, – с досадой подумала Дана. – Ладно, придётся попроситься к кому-нибудь». Внимательно осмотрев столовую, она увидела круглый столик, за которым

сидела только одна девушка. Она просто сидела и смотрела в окно. Дана, недолго думая, направилась к ней:

– Конничива, здравствуйте. Не возражаете, если я сюда сяду? – обратилась Дана к задумчивой девушке.

Реакция девушки была странной и неожиданной: она опустила голову, резко отстранилась, захлопала глазами и всплеснула руками. Дана поняла, что это была нехорошая идея – обратиться именно к ней, и уже набрала в грудь воздуха, чтобы извиниться и уйти, как девушка посмотрела на неё исподлобья, как маленький недоверчивый зверёк, и почти прошептала:

– Дозо, пожалуйста.

Честно говоря, Дана уже не хотелось садиться, но было поздно. Русская студентка, чувствуя себя захватчиком и узурпатором, улыбнулась японке и присела. Девушка же быстро отвернулась от новоявленной соседки и уставилась в окно. «Ну и хорошо, мне же лучше, никто не будет мешать делать домашнее задание», – обрадовалась Дана.

Так они просидели достаточно долго, и домашняя работа была почти закончена, но последнее задание оказалось очень сложным. Один иероглиф Дана не смогла найти в словаре, а без него понять, о чём идёт речь, было невозможно. Хотелось закончить побыстрее, потому что сегодня можно было пойти и посмотреть тренировку спасателей. Смотревшая в окно девушка всем своим видом показывала нежелание общаться с внешним миром, и перед тем, как обратиться к сво-

ей соседке, Дана внимательно рассмотрела ее. Это была девушка угловатая, очень худая, с костлявыми руками и ногами, с причёской тоже какой-то угловатой – короткое каре на чёрных невьющихся волосах смотрелось откровенным горшком. Сквозь белую, тонкую, как пергамент, кожу просвечивали вены. Лицо было некрасивым: квадратный рот со следами детской экземы, маленький острый носик и огромные кошачьи глаза – правда, черные. Дана было непросто пере-силить себя и заговорить с ней, но чего только не сделаешь ради задания по японскому языку.

– Извини, ты не знаешь, как читается этот иероглиф? – тихо, но отчетливо спросила Дана.

– Знаю, это «рикон», – неожиданно быстро и приветливо ответила девушка.

Наверное, японка краем глаза тоже наблюдала всё это время за Даной и была морально готова к вопросам с её стороны, но виду не подавала.

«Знать, как читается иероглиф, уже полдела, но надо бы и знать, что он означает», – подумала Дана.

– А что означает «рикон»?

– М-м-м, ну, это когда мужчина и женщина расходятся. Понимаешь, они больше не вместе. Я не смогу на словах хорошо объяснить, – сказала она с какой-то странной улыбкой.

«Ну, вот и поговорили. Значит, придётся идти в библиотеку смотреть в большом словаре».

– Спасибо тебе большое, мне будет намного легче найти

этот иероглиф в словаре, теперь, когда я знаю, как он читается.

– Подожди, – произнесла девушка уже с совсем другим выражением лица, в её глазах будто зажегся весёлый огонёк. Она полезла в сумку, достала карандаш, пролистнула тетрадь Даны и на последней странице начала что-то быстро рисовать. Через минуту она показала рисунок, на котором женщина выходит из дома в одну сторону, мужчина – в другую, а дома сидит ребёнок и плачет.

– Мама, папа, я. Семья, – и сделала жест, разводя две сложенные ладони.

– А! Это развод! – догадалась Дана. – Здорово! Спасибо!

За минуту получилась невероятно красивая картинка. Все линии чёткие, углы правильные, девушка даже успела нарисовать не только выражения лиц всех персонажей застывшей сценки, но и интерьер дома. Быт семьи был изображён до деталей, например, на столе стояла ваза с фруктами, это создавало впечатление неожиданности случившегося, как будто ещё вчера всё в этой семье было нормально, а сегодня родители решили разойтись. Очень точно было отобразено и выражение лица ребёнка, растерянное и испуганное.

– Надо же, как ты хорошо рисуешь. У тебя прямо талант! – искренне восхитилась Дана. Сама она могла нарисовать только зайчика, да и то криво, поэтому относилась с особым трепетом к людям, умеющим хорошо рисовать.

– Спасибо. Я люблю рисовать больше всего на свете, –

призналась девушка, при этом рот её искривился в неловкой улыбке. – Хочешь, я тебе ещё что-нибудь объясню?

– Конечно, хочу, если у тебя есть время.

Дана начала задавать вопросы, а девушка рисовать ответы. На слово «вот-вот» появились бегуны на старте и судья с поднятой рукой. На слово «соблазн» появилась витрина с пирожными и полной девушкой с надписью на футболке «я на диете». И тому подобное. Каждый рисунок занимал не больше минуты, но чётко и понятно отображал суть каждого слова. Из-под костлявой и неказистой руки в Даниной тетради выходили образы, очень точно отображающие слова. Дана не только закончила домашнюю работу, но и запомнила все нарисованные слова сразу и навсегда.

Когда заданные иероглифы закончились, Дана грустно вздохнула и спросила свою учительницу:

– Как тебя зовут?

Девушка смущённо произнесла:

– Аска.

– Это название древнейшей столицы Японии, правда?

Немного подумав, Аска ответила:

– Да, для тебя это так, но у меня иероглифы другие, не такие, как в названии города. Мама хотела выбрать необычное имя и нашла два иероглифа «завтра», или «восход» и «возможность». Получается, что завтра у меня будет много возможностей, только когда это завтра наступит, в имени не сказано, – Аска смущённо улыбнулась.

Дане понравилась эта шутка; рассмеявшись, она нечаянно коснулась плеча девушки. Аска слегка отстранилась и поёжилась, но, как будто переборов в себе что-то, улыбнулась. Прозвенел звонок – закончилась «свободная» пара Даны. Не хотелось расставаться с Аской, но тут быстрым шагом к ним подошёл Мару и сообщил, что его тётя позвонила и пригласила Дану к себе домой, чтобы она сама выбрала учебник по истории буддизма из тех, что есть у неё.

– Тётя обрадовалась, что иностранка придёт к ним домой, и назначила на субботу настоящий приём, – закончил речь Мару.

– Да ты что? – невольно вырвалось у Даны. – Пойти в гости в незнакомый дом? Я не смогу!

– Там ничего страшного не будет, просто придём, поедим, – тётя, кстати, очень хорошо готовит, – вы с ней выберете книгу, и уйдём. Я тебя отвезу, так что и тут тебе беспокоится не о чем.

– Вот это да! – Дана поняла, что отказаться просто невозможно. – Спасибо большое. Я обязательно приду.

Повернувшись к столу, чтобы собрать учебники и ещё раз поблагодарить Аску, она её не увидела.

– А где Аска?

– Не знаю, – сказал Мару, – Она встала и ушла куда-то. А ты что, общаешься с этой сумасшедшей? Она ведь какая-то странная, её никто в университете не любит.

– Она – гений! Ты видел её рисунки? – начала защищать

новую знакомую Дана.

– Не видел. А она что, рисовать умеет? – искренне удивился Мару.

– Она очень красиво рисует, и вообще, она классная, хотя, действительно, немного странная, – заключила Дана. Она вспомнила, как поменялось лицо и вся внешность Аски, когда та рисовала. Угловатость и неказистость исчезли, в глазах появился весёлый огонёк.

Они с Мару договорились, где и когда встретятся, чтобы поехать в гости, и разошлись.

Глава 11

В субботу Дана встала пораньше и начала готовить блины с мясом. Она очень нервничала: всего две недели в Японии, и уже визит к совершенно незнакомым людям. Вчера весь день ломала голову – что же из русской кухни приготовить: пирожки, борщ, соленую капусту? На кухне в общежитии не было никаких условий. И непонятно, где взять свеклу в Японии. Как всегда, выручила Вика: «А ты им блинов напеки, вроде бы русская кухня, а все ингредиенты продаются в супермаркетах». Проблема была только в том, что сметану достать в Японии невозможно. То, что продаётся, похоже вкусом на сметану, но ложкой на блин не положишь: твердовато, почти как масло. Недолго думая, решили развести сметанную пасту несладким йогуртом. Получилось похоже, но... не русская сметанка, конечно.

Надо сказать, что Дана не отличалась любовью к кулинарии, хотя готовить умела, причем очень неплохо. Особенно ей не нравились сложные, съедающие много времени блюда – например, блины. Но что не сделаешь для поддержания престижа русской кухни! В результате приложенных усилий блинчики получились тоненькие, румяные, и, главное, очень вкусные. После упаковки угощения осталось немного времени на освежение в памяти вежливых слов и фраз. Волнение никуда не делось. Дана, надев джинсы и красивый джемпер

в голубую и рыжую полоску, захватив сумку и пакет с гостинцем, вышла из общежития и направилась в университет, чтобы попасть на ярмарку клубов. Сегодня был день записи в клубы по интересам. На днях Дана побывала на открытой тренировке, которая проходила на море. Несмотря на то, что вода в океане ещё холодная и до пляжного сезона далеко, спасатели не надевали гидрокостюмы. Они бегали по пляжу, подплывали к тонущему манекену на широких досках, проплывали большую дистанцию на открытой воде, не сбиваясь с курса. Это была серьезная тренировка. Спасатели жаловались, что тренировки очень тяжелые и вынести их трудно, но у всех в глазах светилась гордость за то, что они делают.

Тренировались они, как и многие другие клубы, без наставника. Этапы тренировок определяли третьекурсники или капитан клуба. Они же давали советы по выполнению заданий. Остальные члены клуба просто делали указанные упражнения. «Что же заставляет этих людей вместо того, чтобы развлекаться и просто наслаждаться жизнью, лезть в холодный океан, да ещё и выносить тяжелые тренировки?» – размышляла Дана, желая узнать ответ. Ей хотелось стать частью этой команды, и она твёрдо решила записаться в клуб и уже со следующей недели приступить к тренировкам. Почему-то почти все русские студенты отговаривали её. Доводы приводились разные: что это будет мешать учёбе, что вместо того, чтобы тренироваться по нескольку раз в неделю, лучше бы работу нашла, что спасатели – это один из самых физиче-

ски тяжёлых клубов и даже что это опасно. Но после звонка домой и Димочке, который идею поддержал, она решила всё-таки попробовать. Встреча с Мару была назначена в университете, поэтому пойти и записаться в клуб, как говорится, сам Бог велел.

Дана волновалась, примут ее или нет, ведь учиться ей – год. Но спасатели радостно приняли стажёрку в свои ряды, познакомили с капитаном клуба и рассказали, что принести на первую тренировку. Ей даже назначили персонального наставника – длинного худощавого парня по кличке Ика, то есть Кальмар. Учился он на втором курсе и должен был объяснять Данае, что и как выполнять. Оказалось, что у всех первокурсников были свои наставники со второго курса – это помогало капитану клуба и его заместителям. В штормовые дни роль наставников заключалась не только в том, чтобы рассказать и научить, но и присмотреть за новичками: не снесло бы волной и не утонули бы.

Около учебного корпуса Дана встретила с Мару; тот держал в руках несколько книг и дисков. «Это для моего двоюродного брата. Пошли!» – сказал он коротко, и они быстро пошли в сторону главной улицы.

Минут десять прошли практически в полном молчании. На одиннадцатой минуте Дана не выдержала и спросила, что случилось. В голове роились мысли, самой безобидной из которых было предположение, что Мару стесняется идти с иностранкой по городу.

– Всё нормально, – коротко ответил ее спутник, и Дана пожалела, что спросила. «Что же могло случиться? – про-должала беспокоиться девушка. – У него был плохой день? Или дело всё-таки во мне?» Она поняла, что никогда не была в такой ситуации, потому что Димочка никогда не молчал. Они всегда что-нибудь обсуждали или делились впечатлениями. Их разговор всегда перетекал из темы в тему и сокращал любую дорогу или ожидание.

Дана с Мару подошли к довольно большому двухэтажному дому, выкрашенному в белый цвет, с тёмно-коричневыми декоративными ставнями окон и балконами. С каждого балкона и окна свешивались небольшие подвесные клумбы с цветами, в основном, анютиными глазками. Будто декорации из какого-то фильма о сказочном городке перенесли в реальный мир и поселили в нем людей. Особенно симпатично этот дом смотрелся на фоне других на этой улице, выкрашенных в тёмно-серые или коричневого цвета с чёрными черепичными крышами, тоже с ухоженными садиками, маленькими сосенками и каменными светильниками, но казавшимися приземистыми по сравнению с белым зданием.

Мару позвонил в домофон, и приятный женский голос ответил: «Ха-а-ай». Мару произнёс односложно: «Орэ». Когда Дана изучала японский язык в России, ей рассказывали, что местоимение «Орэ», то есть «Я» у мужчин, используют только крестьяне; однако в Японии оказалось, что каждого второго можно было запросто назвать «крестьянином», исходя

из этой теории.

Дане показалось, что Мару стал менее напряжённым, как будто был рад, что не надо больше оставаться с Даной наедине. «Похоже, всё-таки дело во мне», – с грустью заключила она про себя. Дверь калитки щёлкнула, и они вошли в маленький полный цветов садик. Цветы стояли в горшках и мини-клумбах почти по всей территории, захватив места на дорожках и крыльце.

Внутри дом оказался таким же милым, как и снаружи. Сразу было видно, что он или недавно выстроен, или капитально отремонтирован, потому что вся древесина внутренней отделки была светлой и пахла лесом. В просторной прихожей на обувном шкафу расположились куклы и статуэтки разных народов, расставленные по росту. «Надо будет им матрёшку подарить, она бы сюда подошла», – подумала Дана. Навстречу гостям почти одновременно вышли двое – молодой человек лет семнадцати и женщина лет сорока. Оба они были привлекательны и даже красивы, каждый по-своему. Женщина была небольшого роста, в теле, круглолицая, с волосами, крашенными в тёмно-каштановый цвет, со светлой кожей, маленьким аккуратным носиком и очень живыми глазами. Несмотря на довольно высокий рост, юноша с короткой стрижкой, загорелым и немного обветренным лицом не сутулился... Мару представил Дану тёте и двоюродному брату. Женщина стала быстро щебетать слова приветствия, а брат сразу стал что-то спрашивать у Мару. Дана и так пони-

мала пока по-японски не всё и не всегда, а когда заговорили три японца одновременно, не поняла абсолютно ничего. Тут все засмеялись и попытались заговорить, снова все вместе, но в этот раз победу одержала тётя:

– Здравствуйте, как мы рады вас видеть. Это так здорово, что Мару вас к нам привёл. Он так редко к нам заходит, а тут пришёл даже не один! Нам так приятно вас видеть у себя. Вы из России? А там холодно?

Дана попыталась переварить поток слов и, чтобы выиграть время, поклонилась хозяевам дома где-то на тридцать градусов и представилась. Тётя звонко засмеялась и прощбетала:

– Каваи! Миленькая какая! Посмотри, Кэн, какая миленькая! Я никогда не видела такого красивого цвета волос. Каваи! Каваи!

От комплиментов Дана почувствовала себя неловко: «Приятно, конечно, но как-то неуютно от такого потока. Надо, наверное, ей чем-то ответить». И произнесла беспронрышное:

– Это ваш брат? – указывая на Кэна.

– Нет, что вы! Это мой сын! Ну, вы и сказали! – начала смеяться женщина, прикрывая рот рукой.

Как и во всех японских домах, прихожая состояла из двух частей: первой – на уровне крыльца, совсем маленькой, где все снимают обувь, и второй, основной части, куда проходят уже без обуви. Чтобы перейти из первой части во вторую, надо как бы подняться на одну ступеньку, поэтому в японском

языке вместо «войти в дом» говорят «подняться в дом».

Пройдя через прихожую за тётей, братом и Мару, Дана оказалась в просторной комнате-студии, в углу которой находилась кухня с барной стойкой и большим обеденным столом на шесть персон, далее начиналась гостиная – диван, телевизор, журнальный столик. Войдя в комнату, Мару низко поклонился и довольно долго не разгибался. Вошедшая за ним Дана тоже поклонилась, даже не поняв – зачем. Подняв голову, она увидела хозяина дома, и ей сразу стало ясно, в кого Кэн такой статный. Мужчина производил очень приятное впечатление: стройный, подтянутый, широкоплечий, с тонкими аккуратными губами и мягкими, невероятно проницательными глазами. Он светло, но сдержано улыбнулся:

– Добро пожаловать!

Мару, показав на Дану, произнёс:

– Это Дана, я вам про неё говорил. Она приехала на год к нам практиковаться в университет.

Дана снова поклонилась и поблагодарила хозяев за приглашение. Хозяин дома снова улыбнулся и начал представлять своих домочадцев:

– Мы рады вас видеть у нас дома, давайте знакомиться. Меня зовут Тамура Ичиро, это моя жена Юрико и сын Кэн. Проходите, мойте руки и давайте ужинать. Я очень голоден.

– Представляешь, – подхватила разговор тётя Юрико, – она подумала, что Кэн – мой брат. Вот умора!

Дана протянула ей пакет с блинами. По правилам япон-

ского этикета, надо было сказать что-то типа: «Я тут вам принёс совершенно что-то непонятное, но, может быть, вам понравится», но Дана не знала этого правила и прорекламировала свою работу, как это делают все российские хозяйки. Тамура-сан улыбнулся и обещал обязательно попробовать блинчики, а тётя Юрико прощebetала что-то очень быстро и понесла пакет на кухню.

За столом Мару и Дану усадили спиной к стене под картину, тётя Юрико расположилась ближе к кухне, а хозяин с сыном – напротив гостей. Стол буквально ломился от угощений. Посередине, на главном месте, стояли два блюда с суши, а вокруг них – с десяток разных закусок: красное сырое мясо тунца с авокадо в соевом соусе с васаби, пареный шпинат с рыбной стружкой, салат из тофу с помидорами и репчатым луком, огурцы с намазанной на них икрой минтая, солёные сливы, чёрные сладкие бобы, куриное филе, обжаренное в кляре. Всё выглядело очень аппетитно и красочно. А когда хозяйка принесла и поставила тарелку с блинчиками, они показались тяжёлыми и неказистыми, слишком масляными и бледными. «Да, повар из меня тот ещё, – подумала Дана, – зря я так расхвасталась». Разлили напитки: взрослым пиво, Кэну сок, тётя Юрико пила холодный чай: «Я просто не переносу алкоголь!» – объяснила она Дане. Тамура-сан поднял стакан и произнёс:

– Кампай!

Все подхватили звучное слово и отхлебнули. После этого

каждый член семьи, сложив ладони вместе, произнес: «Ита-дакимас» и приступал к еде. Дана взяла свои палочки:

– Как всё красиво, просто слов нет. Я даже не знаю, с чего начать.

– Начни с самого вкусного, – сказал Тамура-сан.

– А что самое вкусное?

– Самое вкусное – это суши. Мама к этому случаю заказала суши в хорошем ресторане, – объяснил Кэн.

– Кэн, будь хорошим хозяином, поухаживай за Даной-чан, положи ей в тарелку суши, – учительским тоном произнесла тётя Юрико.

Кэн явно не хотел отрываться от еды, но взял тарелку Даны, перевернул другим концом свои палочки и положил на тарелку по одной суши каждого вида.

– Дозо. Пожалуйста, – произнёс он и протянул тарелку, не глядя на гостью.

– Аригато. Спасибо. Надо же какие красивые тарелки, все нежно-розового цвета, – эта фраза была сказана уже тёте Юрико.

И действительно, вся посуда была нежно-розового цвета, отличаясь то золотистыми краями, то рисунком цветов сакуры, то рифленой поверхностью.

– Дана-чан, в японской кухне есть три компонента, которыми должен наслаждаться человек. Первый компонент – общий вид блюда и гармония его с посудой, второй – аромат и третий – вкус. Только насладившись двумя первыми, ты

сможешь оценить третий. На японском столе, как и в японской поэзии, всегда присутствует сезонный элемент. Какое сейчас время года? Весна, время сакуры, поэтому и посуда напоминает об этом. Сакура уже отцвела, а настроение весны осталось, поэтому и тарелки розовые, – пояснил Тамура-сан.

– Да уж... Знаешь, сколько у нас этой посуды на каждый сезон? Ужас просто, в каждом ящике только и видишь, что посуду, – проворчал Кэн.

– Да ладно тебе, всего-то четыре шкафа, а ты возмущаешься, – поспешила объяснить тётя Юрико. – Вы лучше посмотрите на Дану-чан, ну до чего милая девушка, каваи! А это ваш натуральный цвет волос?

– Да, я такой родилась. Иногда хочется перекраситься, но пока я не выбрала, в какой цвет.

– Ни в коем случае не перекрашивайтесь! Вы даже представить себе не можете, сколько надо потратить денег и времени японцам, чтобы добиться такого цвета, как у вас! – чуть ли не прокричала тётя, и остальные закивали головами, подтверждая её слова.

– Дана, передай мне, пожалуйста, кусок курицы, – неожиданно в разговор включился Мару.

«Когда Кэн мне накладывал суши в тарелку, он перевернул палочки другим концом, надо и мне так сделать», – сообразила Дана. Она перевернула свои палочки, взяла кусочек курицы с общей тарелки, поднесла к палочкам Мару и попыталась вложить кусок в них. За столом все немного дер-

нулись, а Мару прямо-таки шарахнулся от куска и поспешил подставить тарелку, чтобы Дана положила на неё.

– Так нельзя. Ты не знаешь, но в Японии еду из палочек в палочки не передают, – сказал Мару.

– Почему? – Дана смутилась и покраснела.

– Потому что из палочек в палочки передают только оставшиеся после сожжения кости умершего. Этот ритуал проводят обязательно: монах выбирает кости из пепла и передаёт родственникам, а они собирают эти кости уже в сосуд.

– Ужас какой! Извини, пожалуйста.

– Ничего, ты же не знала, – улыбнулся Тамура-сан.

– Дана-чан, скажи, пожалуйста, а ты по-английски хорошо говоришь? – как-то неожиданно спросила тётя Юрико.

– Мама, не надо! – взмолился Кэн.

– А что? Лишняя практика тебе не повредит, – отрезала тётя Юрико и перевела глаза на Дану.

– Я, конечно, не носитель языка, но изъясниться могу, – сказала Дана, вспомнив институтские строгие требования к английскому.

– Вот и славно. Не могла бы ты иногда приходить к нам, говорить с Кэном на английском? у него последний год старшей школы и ему нужно готовиться к университету. Он будет поступать на юридический факультет в Токийский Университет, а там нужен очень сильный английский.

– Я с удовольствием, если Кэн захочет.

Кэн сидел, опустив голову, и глядя в тарелку.

– Лучше ты просто приходи к нам в гости, в любое время, – сказал Тамура-сан, – кстати, я попробовал – блины очень вкусные. Может быть, ты как-нибудь нам и борщ приготовишь?

– Да, блины просто прелесть, я тоже хочу научиться их готовить, – быстро-быстро заговорила тётя Юрико, – а насчёт английского подумай, было бы очень здорово, если бы ты помогла нам. Всё-таки вступительные экзамены – это так тяжело. А в другой университет нам поступать нельзя, потому что Кэн должен учиться в самом лучшем университете, понимаешь? – она многозначительно посмотрела на Дану, и той ничего не оставалось, как кивнуть.

– Я знаю, вступительные экзамены – это очень сложно, мне тоже было нелегко, поэтому я всегда рада помочь. Кэн, если у тебя появятся какие-то вопросы, пожалуйста, спрашивай, – попыталась выкрутиться гостья. – Ты будешь поступать на юридический, а кем ты хочешь стать? – спросила она, чтобы отвести разговор от занятий английским.

– Он решил пойти по стопам отца: хочет стать адвокатом, – гордо ответила тётя Юрико за сына.

– А вы адвокат?

– Нет, дядя не адвокат, он работает в полиции в криминальном отделе, – гордо ответил за хозяина дома Мару.

– Ух ты, здорово! И вы настоящие дела расследуете? А в Японии много преступлений? У нас в России думают, что японцы такие законопослушные, что полиции просто делать

ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.